

БЕРНАР МИНЬЕР

НА ТВОЕЙ МОГИЛЕ
НАДО НАПИСАТЬ, ЧТО ТЫ ПОГИБЛА
ОТ МОЕЙ РУКИ...

ИГРА

В МЕТАМОРФОЗЫ

Бернар Миньер
Игра в метаморфозы
Серия «Бернар Миньер.
Главный триллер года»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68607574
Игра в метаморфозы: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-177716-6

Аннотация

Роман в духе «Гребаной истории» от одного из самых популярных во Франции авторов в жанре детектив-триллер.

«На твоей могиле надо написать, что ты погибла от моей руки...»

Это был кошмар для лейтенанта судебной полиции Мадрида Лусии Герреро. Сполохи молний выхватывали из тьмы большой крест, возвышающийся над вершиной холма. А на нем висел ее напарник, сержант Морейра. Из его груди торчала отвертка, а тело было... приклеено к кресту суперпрочным клеем.

Лусии нельзя заниматься делом об убийстве напарника – закон запрещает. Но с согласия начальства она начинает собственное расследование. И узнаёт об одном профессоре из Университета Саламанки, разрабатывающем компьютерную программу для поиска серийных преступников. Именно он рассказывает Лусии о

нескольких «художественных» убийствах, произошедших много лет назад. Тогда тела жертв тоже фиксировали клеем, а сюжеты смертей были взяты из знаменитой поэмы Овидия «Метаморфозы»...

«Миньер – это огромный талант рассказчика и умение вселить в душу читателя страх; не хуже, чем у Стивена Кинга в его лучших романах». – *Daily Mail*

«Новый король триллера». – *El País*

«Миньер выдает прозу мрачную и острую. И такую густую, что пока читаешь, в ней вязнут пальцы». – *Spectator*

«Романы Миньера ценятся за блестящую интригу и за ту откровенность, с которой он говорит о современном обществе». – *Provence*

Содержание

Пролог	6
Часть I	17
1	17
2	27
3	32
4	38
Часть II	49
5	49
6	57
7	64
8	69
9	75
Часть III	80
10	80
11	82
12	92
13	97
14	104
15	109
16	114
17	123
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Бернар Миньер

Игра в метаморфозы

Bernard Minier

Lucia

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © XO Éditions, 2022. All rights reserved.

Published by arrangement with Lester Literary Agency

© Егорова О. И., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Пролог

Молнии.

Гром.

Шквал.

Лусия остановилась у подножия холма и вышла из машины. Едва она оказалась на улице, у нее возникло впечатление, что какой-то кинорежиссер вылил ей на голову ведро воды. Не поднимая капюшона, Лусия направилась к автомобилям с синими мигалками, вспыхивающими в струях дождя. А тем временем полицейские машины с включенными сиренами подъезжали одна за другой. В спешке она не взяла с собой ни зонта, ни дождевика, а потому, пока шла к машинам, промокла насквозь. Вода струями стекала по шее, по черному форменному жилету с надписью ЦОП.

ЦОП, то есть Центральное оперативное подразделение, было элитой судебной полиции Гражданской гвардии¹.

Молодая женщина подняла глаза к небу, черному, как угольная пыль. День только-только перевалил за середину, а темно было, как в полночь, и все машины стояли с зажженными фарами.

---

¹ Гражданская гвардия Испании – военизированное подразделение полиции, находящееся в подчинении Министерства внутренних дел. По существу, это жандармерия. В зону ее ответственности входят территории, расположенные за пределами крупных городов. – Здесь и далее прим. пер.

Лусия поморгала глазами, смахивая с ресниц капли воды. *И увидела.* На вершине холма. Три огромных темных креста – в середине Христос, по бокам два разбойника.

– Крест справа, – сказал ей сержант, стоявший возле одной из машин, под барабанным боем ливня.

На его лице отражался весь ужас, который еще ждал Лусию наверху. Таких сооружений, то есть огромных придорожных распятий, на западе страны, в Галисии, были тысячи. Но здесь не Галисия. В тридцати километрах к северо-западу от Мадрида, посреди поля, вдали от домов...

Лусия проследила глазами за рукой сержанта.

Крест справа...

Не требовалось быть специалистом, чтобы увидеть, что правый крест чем-то отличался от остальных двух. Но из-за дождя она не могла понять чем. Даже оттуда, где стояла Лусия, было видно, что центральный крест со скульптурой Христа и левый с фигурой разбойника заметно почернели за века, проведенные под дождями, а правый был гораздо светлее, почти воскового цвета.

Лусия вздохнула.

Надо было взобраться по осыпи на довольно крутой холм, где рыхлая намокшая земля сразу прилипала к подошвам. Вода заливала лицо, текла по волосам, по шее и по спине, словно ручей, перекатывающий камушки.

Она чувствовала тяжелые удары собственного сердца, а кресты словно шли ей навстречу. Под чернильным небом

сполохи молний раздирали мрак непогожего вечера. Перед глазами проходили белые тени: это техники в полном рабочем облачении брали пробы и разыскивали следы, которые еще не успел смыть ливень. Она шла вдоль яркой ленты заграждения между сбегавшими вниз канавками, прорытыми водой.

Лило так сильно, что ей пришлось буквально прорываться сквозь водную завесу, чтобы различить фигуру на кресте, — ту, что была более светлой.

Лусия взглянула на нее, и на какую-то долю секунды ей показалось, что фигура ей знакома. От этой мысли она похолодела.

Горло сдавило, и рот открылся в беззвучном крике, когда она оказалась лицом к лицу с реальностью... Нет, этого не может быть, это неправда... *Это не мог быть он...*

* * *

А дождь все шел и шел. Рушился вниз. Упрямый, сплошной, косой дождь. Лусия содрогнулась. У нее перехватило дыхание, после крутого подъема должно было стать жарко, но она дрожала от холода. Холод пробирал до костей, кровь похолодела.

Потому что там, на высоте нескольких метров, на фоне дождливого неба висела на кресте вовсе не статуя, а человек. *И она этого человека знала.* Это был сержант Серхио Ка-

стилье Морейра, коллега по работе, друг, постоянный напарник². Тридцать пять лет. Женат, отец двух маленьких дочек. Хороший сыщик. Хороший отец. *Насколько она знала...*

Дождь молотил по качающемуся голому телу, по бледной до синевы коже, обтекал изящные изгибы мускулов. Помимо воли она обратила внимание на несуразную деталь: вода текла с кончика пениса, как из крана.

Подвешенное между небом и землей тело парило над холмом. Физически это было невозможно, но все-таки глаза видели то, что видели: *висящее в воздухе нагое тело*.

Кто-то снял с правого креста статую, и она лежала на земле, в грязи, лицом вниз. А вместо нее теперь повисло тело Серхио со следами пыток. Рядом валялась лестница, с помощью которой сотворили эту жуть. Раскинув руки крестом, Серхио повернул голову назад, словно умоляя о пощаде, которой так и не дождался.

Неизвестный – мужчина, женщина? – всадил ему отвертку в сердце, ударив несколько раз с такой неистовой злобой, словно хотел взорвать ему грудь: между грудной костью и левым соском виднелись глубокие раны, а в одной из них все еще торчала ручка отвертки.

«У вселенной свои загадки», – подумала Лусия. Взять хотя бы Солнце, которое составляет 99 % от общей массы Солнечной системы. Или полное отсутствие звуков в кос-

---

² Напарник – второй участник патруля. По уставу Гражданской гвардии Испании гвардейцы выходят на патрулирование только парами.

мосе. Или то, что на каждую человеческую особь на Земле приходится около шести миллионов муравьев. А самым древним литературным произведением на земле считается «Эпос о Гильгамеше», написанный на глиняных табличках, и его главный герой полон неотвязных мыслей о смерти. *Все это ей открыл ее младший брат Рафаэль...* Но сейчас Лусия оказалась, пожалуй, перед самой большой и непостижимой загадкой.

Перед загадкой жестокости и абсолютного зла.

Она почувствовала подступающую к горлу тошноту. Но все-таки постаралась фиксировать внимание на жестокости, бросившей вызов разуму.

Не было ни единого гвоздя, ни веревки, держащих тело на кресте. *Быть того не может...* Казалось, оно держится в воздухе только силой собственной воли. Но какая воля может быть у мертвеца? Тогда в чем же состоит чудо?

В этот момент рабочие уже заканчивали сооружать леса, чтобы снять тело. Блестящие трубы и металлические пластинки позванивали, ударяясь друг о друга, и посверкивали в беловатом гало прожекторов. Лусия обернулась к одному из техников, стоящему рядом с ней.

– Как же он там держится?

– Странно, правда? – отозвался молодой парень, одетый в белый «космический» комбинезон из непромокаемой ткани, по которому барабанил дождь. – Ни веревок, ни прищепок, а держится он... Тот, кто это сотворил, и вправду дьявол ка-

кой-то.

– Все они дьяволы, – возразила она, рассердившись на эту реплику. – Ну и?..

– *На клею он держится...*

– Что?

– Ему намазали спину, бедра, икры, заднюю часть рук, кистей и черепа суперсильным клеем. Вот что... Пока клей не схватился, его, наверное, привязывали к кресту веревками, а может, и кабелем: на запястьях и предплечьях, на груди, лбу и лодыжках остались глубокие следы. Вот, смотрите. Несомненно, привязывали еще до дождя. Сама операция заняла не более нескольких минут, но сила для нее потребовалась немалая... И потом, будь она создана Богом или миллионами лет эволюции, человеческая кожа – настоящее чудо биологической инженерии: она эстетична, эластична и достаточно прочна, чтобы удержать тело в той позе, в которой его приклеили.

– О господи, – простонала Лусия.

Она согнулась вдвое, положив руки на бока, и глубоко дышала, чтобы побороть тошноту. Потом выпрямилась.

Перед глазами промелькнуло видение: они с сержантом Морейра целуются в раздевалке во время последнего праздника святого Сильвестра, она тихонько его отстраняет и говорит: «Нет, Серхио, нет». Они работают вместе, она знакома с его женой, с детьми... Слышна музыка, из соседней комнаты доносятся веселые крики и смех. От него ис-

ходит приятный запах мыла и туалетной воды, а губы его отдают табаком, жевательной резинкой и зубной пастой. Он хочет ее, и она его хочет. Но говорит «нет»...

Вдруг Лусия вздрогнула. Что это? Ей почудилось? Она еще раз внимательно взгляделась в белую грудь висящего на кресте тела. Вода, стекающая с него, отражала свет прожекторов.

Вот опять...

Один, два раза... Грудь приподнялась!

О боже! Видно, отвертка свое дело не сделала.

Лусия обернулась к людям, стоящим на холме, и крикнула:

– ОН ЖИВОЙ! ЖИВОЙ! ОН ЖИВОЙ!

* * *

Врач и двое медбратьев сменили людей в белых комбинезонах. Они хлопотали вокруг тела, взобравшись на леса, сооруженные в трех метрах над землей. Дождь выстукивал по алюминию, словно по ксилофону; отовсюду слышались крики, раздавались чьи-то шаги.

– Вот дьявол! Как же его отклеить, не повредив кожу? – прокричал кто-то с лесов.

– У нас есть свидетель, – обращаясь к Лусии, сказал в этот момент ее шеф по ЦОП, капитан Пенья. Он подошел к ней, и она повернула голову, чтобы посмотреть на него. С его усов

стекала вода.

– Свидетель?

Он пожал плечами.

– Скорее, подозреваемый.

Лусия нахмурилась.

– Так свидетель или подозреваемый?

– Ну, скажем так, гулявший... Он там был, когда приехал патруль. Это он вызвал полицию. Говорит, видел все, что произошло. И того, кто это сделал. Все видел, но побоялся вмешиваться... А мы думаем, что это он и сделал.

Она напряглась и помрачнела.

– И что вас заставило так подумать?

– Сама поймешь, когда на него посмотришь.

Лусия помедлила, вглядевшись в фигуры врача и медбратьев, хлопотавших наверху вокруг Серхио. На данный момент ничего другого она сделать не могла.

– Я хочу на него взглянуть сию же минуту.

Они спустились к машинам, стараясь не угодить в рытвину или лужу. Лусия почувствовала, как намокшие джинсы прилипли к ногам, а ботинки отяжелели от грязи.

Он стоял, опершись на кузов одной из машин SUV³, а по бокам застыли двое охранников в форме гражданской гвардии. Бледная кожа, узкое лицо с острым подбородком, свет-

---

³ SUV – автомобиль класса внедорожников, с полным приводом и очень высоким клиренсом. Им охотно пользуются любители спортивного отдыха, а также полиция, служба спасения и прочие службы, связанные с необходимостью передвигаться по бездорожью.

лые, почти белые брови и такие же волосы. На вид лет тридцати. В глаза Лусии бросились пятна крови на его оранжевом комбинезоне.

Когда она подошла, он поднял на нее глаза. Глаза были большие и совершенно детские, с красными веками и очень светлыми радужками. Первое, что ей захотелось, это схватить его за горло, но она удержалась.

– Это ты сделал?

Белобрысые ресницы моргнули, сбросив капли воды. Парень криво усмехнулся, и Лусии захотелось стукнуть его лбом об капот.

Он отрицательно покачал головой.

– Нет, это Он. Я Его видел...

– Кто это «Он»?

– Да Он же, черт побери...

Тут с холма раздался крик:

– **МЫ ЕГО ВОТ-ВОТ ПОТЕРЯЕМ!**

Лусия посмотрела на вершину холма. О дьявол! Она рванула к холму и полезла наверх так быстро, как только могла, скользя, падая и снова поднимаясь.

– Нет! Нет! Нет! Проклятье, нет! – Она карабкалась на леса, цепляясь за алюминиевые трубы.

– Эй! – крикнул ей один из спасателей. – Что вы делаете? Слезайте немедленно, леса не рассчитаны на такое количество людей!

Лусия не обратила на него внимания. Быстрыми движе-

ниями она взобралась на маленькую и очень неустойчивую платформу. Врач уже приступил к непрямому массажу сердца, что для висящего вертикально тела могло дать любой результат, кроме нужного. К груди Серхио были прикреплены электроды, но Лусия знала, что при такой влажности сердечную деятельность ничего не стоит нарушить.

Медбратья сурово уставились на нее. Один из них перебирал кнопки дефибриллятора.

– Чего вы ждете? Давайте! Разряд!

– Невозможно! – отозвался врач, не переставая качать протянутыми руками, упершись скрещенными ладонями в грудь Серхио. – Здесь много металла, да еще этот дождь... Есть риск, что его просто ударит током. А толку не будет никакого.

– Дайте мне эту штуковину! Мне вовсе не хочется вот так дать ему умереть и ничего не сделать!

Лусия попыталась выхватить аппарат у медбрата левой рукой – она была левшой, – но тот крепко держал дефибриллятор.

– Эй, перестаньте! Да вы больная! Это совершенно бесполезно!

– Ну, послушайте, пожалуйста, – запротестовал второй медбрат, – мы делаем все, что можем!

– Скажи ей, чтобы слезла с лесов, иначе я прекращу массаж! – бросил врач своему коллеге. – Пусть слезает! *Сию же секунду!*

Лусия колебалась.

Он был прав. Все усилия без толку. И она послушалась. Все трое медиков следующие тридцать минут не прекращали делать массаж сердца и искусственное дыхание.

Дождь все лил и лил. Лусия не могла оторвать глаз от бледного тела, которое без устали по очереди массировали медики под струями дождя.

– ОН МЕРТВ. Все кончено.

Медики один за другим, опустив головы, спустились с лесов. Смену в тот же миг приняли «космонавты» в белых комбинезонах.

Лусия почувствовала, как задрожали руки, потом конвульсивная дрожь охватила ноги и все тело. Тошнота подступила так стремительно, что она едва успела наклониться, как горло обожгло чем-то кислым, и все съеденное за обедом вперемешку с желчью оказалось на земле.

Часть I

Лусия

1

Вечер понедельника

Лейтенант Лусия Герреро внимательно изучала карту идентификации. Габриэль Агустин Шварц. Тридцать два года. Родился 18 марта 1978 года в Малаге. Зарегистрирован в Мадриде на улице Сан-Херонимо. Она подняла глаза. Светлые, почти белые волосы, узкое бледное лицо, бесцветные ресницы.

У парня были большие беспокойные глаза, постоянно перебегавшие из стороны в сторону, и слишком красные, слишком *влажные* губы.

– Габриэль Шварц, – констатировала она.

Глаза белобрысого остановились на ней.

– Нет, это не я... Я не Габриэль.

Она подняла бровь.

– А как же тогда тебя зовут?

– Иван.

– Иван... Как так, Иван?

– Иван.

– И кто же в таком случае Габриэль?

– Кто-то другой.

Лусия пристально на него посмотрела. Ее левая нога судорожно дернулась под столом. Она дергалась все время, с той минуты как ее хозяйка уселась за стол напротив белобрысого парня. СБН, синдром беспокойных ног...

– Ладно, э-э... Иван. Тебя обвиняют в гибели сержанта Морейры. – Едва она это произнесла, в желудке у нее словно образовалась пустота. – Ты это понимаешь?

– Это не я, – настаивал Иван, закусив губу. – Я ничего такого не сделал.

– Напоминаю вам, что, пока нет прямых доказательств обратного, мой клиент просто свидетель, – вмешался адвокат с напыженными волосами, сидевший рядом со Шварцем.

Лусия взглянула на белобрысого, потом на адвоката, потом снова на белобрысого. Его детские глаза бегали по комнате из угла в угол.

– Там повсюду полно твоих отпечатков, – сказала она. – На теле, на кресте, на лестнице... и на орудии убийства. А на твоей одежде кровь жертвы...

– Это не я.

У него был такой испуганный вид... На убийцу он никак не тянул.

– Тогда кто?

– Рикардо.

– Кто такой Рикардо?

– Очень плохой человек...

– Вот как?

– Да...

Она попыталась не обращать внимания на пятна крови, проступавшие на ярко-оранжевом комбинезоне. О них надо позабыть, как и о распятом под дождем Серхио.

– А откуда ты знаешь, что это был он?

– Он сам мне сказал.

Она вздрогнула.

– Рикардо сказал тебе, что убил?

– Лейтенант, – вмешался дежурный адвокат, – учитывая... состояние моего клиента, я бы просил вас не принимать во внимание его последнюю реплику.

– Судить о том, что стоит, а что не стоит принимать во внимание, буду я, – решительно отрезала она. – Послушай, Габриэль...

– Я не Габриэль. Я Иван.

Его звали Габриэль Шварц. Вряд ли его имя часто встречалось в «Тиндере»⁴, зато в картотеке Гражданской гвардии он имел несколько приговоров за воровство с витрин и за продажу наркоты. В тюрьме ни разу не сидел, зато многократно попадал в психиатрические клиники.

Жил он постоянно с матерью. Но она умерла в феврале этого года, после чего Габриэль снова ненадолго попал в психиатрическую больницу. С его лечащим врачом связались,

---

⁴ «Тиндер» – сайт знакомств в интернете.

он был уже в пути.

Лусия встала и направилась в соседнюю комнату, где ее коллега Ариас и начальник Пенья следили за допросом на экране. Она сделала знак Ариасу:

– Давай. Теперь твоя очередь.

– Так ты думаешь, что у него действительно подмена личности? – скептически спросил Ариас. – Вид у него, конечно, как у полного придурка, но не исключено, что он просто ломает комедию.

Сержант Ариас страдал легким дивергентным косоглазием: глаза у него расходились в стороны – один смотрел вправо, а другой влево, – и свет по-разному отражался в каждом из глаз. Это придавало его взгляду некую необычность, отчего те, кого он допрашивал, чувствовали себя не в своей тарелке. Ариас это знал и умело играл на этом. И Лусия заметила, что результаты его допросов были всегда выше среднего уровня. Он кивнул, вышел из комнаты с экраном и вошел в допросную, где серые стены освещал яркий неоновый свет.

Лусия и Пенья – руководитель отдела убийств, похищений и вымогательств – следили за ним на экране. Пятидесятитрехлетний Пенья всегда был ухожен, имел вид благодушного отца семейства и гордился роскошными усами, которым уделял немало времени. На их земле он был самым добрым из всех, кого знала Лусия. А знала она многих: одна только Гражданская гвардия насчитывала 84 000 полицейских, а ЦОП, Отдел оперативной координации – в некотором

роде центральная служба уголовной полиции – еще 400.

– Привет, Габриэль.

Голос Ариаса раздавался из динамиков, расположенных вокруг экрана. Он уселся напротив белобрысого.

– Да будет вам, господин полицейский, – нежно проворковал задорный женский голос. – Давайте серьезней! Разве не видно, что я вовсе не Габриэль?

На экране Габриэль Шварц коротко хохотнул, заведя за ухо прядь светлых волос. Затем выпрямил спину, скрестил ноги и положил руки ладонями на колени.

– А как же тебя зовут? – растерянно спросил Ариас.

– Я Марта. Мне нравятся ваши глаза, господин полицейский. Они очень красивые.

Лусия застыла на месте, увидев, насколько изменилось лицо Шварца. У нее возникло впечатление, что перед ней действительно женщина.

– Это еще что за цирк? – занервничал рядом с ней Пенья.

– Э-э... Марта, ты знаешь, почему здесь оказалась?

– Вы видите, что мой клиент не в состоянии ответить на ваши вопросы, – вмешался молодой адвокат. – Я требую, чтобы его немедленно осмотрел психиатр!

– Я понятия не имею, почему здесь оказалась, – доверительно сказал Габриэль, он же Марта, не обращая внимания на своего адвоката. – Но полагаю, вы мне скажете, господин полицейский?

– Черт знает что! – прошептала Лусия и так сжала зубы,

что челюсти заболели. Они вовсе не собирались провести целые часы за этой милой игрой. И она решила опередить события, отчеканив:

– Я убеждена, что этот тип симулянт.

– Возможно, – успокоил ее Пенья. – Но, пока мы не можем поговорить с психиатром, нам придется принять игру. Иначе этот адвокатишка заведет нас черт знает куда. Улавливаешь?

Психиатр уже едет?

– Да, скоро будет, – ответила Лусия.

– Марта, сколько тебе лет? – раздался из динамика голос Ариаса.

– А сколько вы мне дадите? – проворковала псевдо-Марта.

– Ты знаешь, кто убил сержанта Морейру? – продолжал Ариас.

– Знаю. Рикардо.

– А ты знаешь этого Рикардо?

– Да, конечно, знаю. Кто ж его не знает? Он плохой человек. Опасный. Я его не люблю. Он меня пугает.

Лусия была вынуждена признать, что убежденность, с какой «Марта» обрисовала псевдо-Рикардо, брала за живое.

– А что еще ты можешь сказать по его поводу? – спросил Ариас.

– Ничего, мне неохота...

– Почему?

– Я его боюсь.

– Почему ты его боишься?

– Весь мир его боится.

– Он действительно так уж опасен?

Лусию поразило выражение тревоги, которое появилось на лице Шварца.

– Этот тип меня пугает, – тихо сказал Пенья, вставая с места.

Она удивилась: ее шеф никогда не отличался особой внушаемостью. Пенья был кремень. Старая закалка. Ему приходилось сталкиваться с самыми опасными бандитами Испании. Но такие резкие перемены личности у Шварца могли сбить с толку и более закаленного.

– Ты знаешь, где он сейчас находится? – тихим голосом продолжал допрос Ариас в соседней комнате.

Шварц нервно заерзал на стуле, лицо его стало подергиваться.

– Откуда мне знать?

– Разве он не говорил тебе, где живет?

Белобрысый пожал плечами.

– Пф-ф-ф! Он живет там, как и все остальные, – проговорил он голосом «Марты», постучав себя указательным пальцем по виску. – А где ты хочешь, чтобы он жил?

– Марта, расскажи мне про Рикардо, это очень важно, – настаивал Ариас.

Лусия увидела, как Шварц энергично затряс головой, прикусил губу, зажмурился, сильно сжав веки, потом открыл

глаза.

– Пожалуйста, не делайте нам зла.

– Что? – растерянно переспросил Ариас.

– Не говорите ничего Рикардо, господин, пожалуйста. Он станет нам вредить. Пожалуйста... Пожалуйста... Пожалуйста...
ста...

Вот черт, теперь он говорил детским голосом... И лицо у него сразу обрело черты ребенка. «Ну уж хватит», – подумала Лусия и обратилась к Пенье:

– Дальше продолжу я.

Он посмотрел на нее.

– Ты уверена? Не надо бы тебе так выкладываться, Лусия.

Строго говоря, мне не следовало разрешать тебе участвовать в допросах, и ты это знаешь. У тебя с этим делом связано много эмоций. Серхио ведь был твоим напарником.

– Вот именно.

Лусия вышла в коридор, открыла дверь в допросную и вошла.

– Достаточно! – сказала она Ариасу.

– Ты уверена?

– Иди, говорю тебе!

– Лейтенант... – попытался что-то сказать адвокат.

– Замолчите, мэтр!

Это она произнесла очень громко. Ариас встал и вышел, ни о чем не спрашивая.

– Будьте уверены, его посадят под арест! – возмутился,

побагровев, адвокат.

Маленький мальчик, в которого превратился Габриэль Шварц, удивленно на нее уставился, словно увидел в первый раз.

– Я хочу поговорить с Мартой, – сказала Лусия.

Белобрысый приосанился. На губах появилась медовая улыбочка. Он огляделся вокруг, обшарив глазами пол, стены, потолок...

– Ладно. Хочешь, я позову кого-нибудь еще, дорогая? – проворковал голос Марты.

Лусия снова увидела голое тело Серхио на кресте в потоках дождя, и от гнева у нее задрожали губы. Глубоко вздохнув, она заговорила вызывающим тоном:

– Я тоже знаю Рикардо. Ты не единственная, кто его знает, Марта...

Псевдо-Марта метнула в нее презрительный взгляд.

– Пф-ф-ф! Врешь ты все. Ты не знакома с Рикардо.

– А вот и не вру.

– Я тебе не верю! У меня мигрень. Есть у вас что-нибудь от мигрени?

– А ты и не обязана мне верить. Только я с ним действительно знакома. Он не так опасен, как ты говоришь.

Шварц снова приподнял плечи.

– Как бы там ни было, а сразу видно, что ты его не знаешь. Ты бы такого никогда не сказала, иначе...

– Корчит из себя невесть кого, а на самом деле он трус,

твой Рикардо!

Шварц нервно похлопал глазами и беспокойно огляделся.

– Заткнись! Ты что, спятила? Он услышит и явится!

– Пусть явится. Я и ему скажу то же самое. Но он не явится. И знаешь почему, Марта? Он силен только со слабыми, вроде тебя. Трус он, твой Рикардо.

– Заткнись! Ой, как болит голова, – застонала Марта. – Дайте мне что-нибудь, у меня очень болит голова...

Лусия почувствовала, как пушок у нее на руках поднялся дыбом. Веки Шварца часто заморгали. Он дрожал всем телом, а губы шевелились, словно он разговаривал сам с собой, но не было слышно ни звука. Лусия выпрямилась на стуле.

– Марта? – позвала она.

Никакого ответа.

Лусия оглядела комнату. Если этот псих попытается что-то сделать, она врежет ему с левой, да и помощь подоспеет в одну секунду.

Глаза у Шварца были закрыты. Лусия внимательно в него взгляделась. Лицо его, как восковая маска, не выражало ничего. Он словно спал. И вдруг открыл глаза, заставив ее вздрогнуть. В его взгляде сверкнула такая ярость, такой животный, нутряной гнев, что она на мгновение застыла на стуле.

– Ты знаешь, кто я такой? – раздался низкий голос, полный спеси и высокомерия.

Лусия помедлила.

– Рикардо?

Вечер понедельника

– А ты кто такая? – проговорил голос.

Лусия была ошарашена такой переменной. Изменились не только голос и взгляд, но и вся внешность: Шварц теперь казался выше и сильнее и стал занимать больше пространства.

– Сдается мне, что ты держишь меня за слабака...

Сердце у нее помимо воли забилося сильнее. Сидящий напротив человек, вне всяких сомнений, был способен на насилие.

– Пришлось приврать, чтобы выманить тебя из леса, – отозвалась она.

– Это как?

– Ну ты же знаешь: вся эта история с индивидуальностью, с натурой...

Она действовала очень осторожно. Мускулы Шварца напряглись под комбинезоном, он наклонился вперед и злобно уставился на нее.

Лусия молилась, чтобы Пенья не прервал беседу раньше времени. Шварц насмешливо улыбнулся.

– Ты принимаешь меня за психа, разве не так?

– Да нет, я...

– Моему клиенту нужен психиатр, – не унимался сидящий рядом со Шварцем адвокат.

– А ты закрой пасть, – сказал псевдо-Рикардо. – Ты ничего не знаешь, а потому заткнись. Так ты принимаешь меня за психа? – повторил он, обращаясь к Лусии.

Она посмотрела ему прямо в глаза:

– Здесь вопросы задаю я.

Зрачки Шварца почернели. Теперь она физически чувствовала этот взгляд. В допросной стало нечем дышать.

Потом, все так же неожиданно, он улыбнулся и расслабился, откинувшись на спинку стула. «Он меня впустил», – подумала Лусия.

– Ты убил сержанта Морейру?

– Того парня на кресте? Ну да... Я его убил. Какой лил дождь... Прямо настоящий водяной понедельник. И я его убил... и да, и нет.

Он говорил вялым, безразличным тоном, и Лусия еле удержалась от того, чтобы не двинуть его как следует локтем и не расшевелить.

– Так да или нет?

– А вот это уже посложнее, – ответил псевдо-Рикардо.

– Объясни.

– Не уверен, что мне хочется объяснять.

– Не объяснив, ты отсюда не выйдешь.

В его черных зрачках загорелась ярость, и лицо сразу стало внушительнее.

– Я с твоим коллегой даже не был знаком. И до сегодняшнего дня его в глаза не видел. Сделать все это мне приказал

кто-то другой.

«Еще один», – подумала она и вздохнула.

– Другой? Еще одна из твоих личностей?

– Да нет, совсем другой. *Извне*. Не из тех, что сидят у меня внутри. *Приказ отдал кто-то извне*.

Лусия почувствовала, как ее затылок покрылся гусиной кожей и волосы поднялись дыбом. Она подалась вперед.

– Как это понять: *извне*?

В допросной стало тихо. Вдруг «Рикардо» так стремительно наклонился к ней, что адвокат вздрогнул, а она еле удержалась, чтобы не дать задний ход и не выскочить в коридор. Теперь их разделяло не более сорока сантиметров. *Слишком близко*. Пенья уже собрался положить конец допросу. Или адвокат. Или психиатр, если он приехал.

Ей надо было действовать быстрее.

Лусия увидела, как неоновый свет отразился в его глазах. Радужки полностью почернели, словно по морской воде разлилась нефть. Лусия запретила сердцу так оглушительно биться в ушах и нырнула в нефтяную черноту, словно прыгнув со скалы в океан:

– А кто он, тот, кто находится «*извне*»?

Ответом ей была улыбка, насмешливая и острая, как лезвие ножа.

Он ее разглядывал. Лусия догадывалась, что он видит, поскольку весь ее облик отражался в его огромных зрачках: тоненькая женщина лет тридцати, одетая во все черное. Чер-

ные джинсы, черная тенниска, черная кожаная куртка. Милостивое лицо, свидетельствующее о смеси разных генов и кровей: русских со стороны матери и кастильских со стороны отца... Карие глаза с золотистыми искорками, длинные ресницы и блестящая черная шевелюра с челкой до бровей, которая, как занавес, падала на лоб.

Но главное, что ему надо было разглядеть, чтобы понять, — это ее тело, скрытое под одеждой. Тринадцать татуировок. Черепа, розы, колючая проволока, какие-то фразы, набранные курсивом, римские цифры.

«Рикардо» разглядывал ее с неприкрытой жадностью. Он напомнил ей хамелеона, который подкрадывается к насекомому, чтобы выстрелить в него своим длинным языком. Кончиком языка допрашиваемый провел по своим влажным губам.

— Так кто он, тот, кто находится *«извне»*, Рикардо?

Она получила еще один мрачный взгляд в свою сторону. Адвокат против вопроса не возражал, но в его глазах она уловила беспокойство.

— Что?

— Тебе известно его имя?

Псевдо-Рикардо вдруг громко расхохотался. И сразу посерьезнел.

— Да за кого ты меня принимаешь? И за кого принимаешь себя, цыпочка? Я не доносчик!

Он поднял глаза к камере:

– РАЗГОВОР ОКОНЧЕН. Я ТРЕБУЮ ДРУГОГО АДВОКАТА. И УБЕРИТЕ ОТСЮДА ЭТУ ШЛЮХУ, ПОКА Я ЕЕ НЕ ПРИШИБ.

Вечер понедельника

– Ты думаешь, это одна из его личностей? – спросил Пенья.

Лусия заметила, что у него на усах поблескивают капельки пота.

– Не похоже. Я думаю, что вместе с ним действовал кто-то еще.

– Но там, на холме, не обнаружили никаких следов, кроме его собственных...

– Их, конечно, смыл ливень. И ему понадобились бы нечеловеческие силы, чтобы в одиночку поднять... Серхио на такую высоту.

– Э-э-э... личность по имени Рикардо, на мой взгляд, на это вполне способна, – предположил руководитель отдела.

Лусия ни разу не видела его таким неуверенным в себе.

– По словам псевдо-Рикардо, – вмешался Ариас, – был еще кто-то, и этот кто-то приказал ему совершить убийство. Вы в это верите?

– Да полно вам, – сказал Пенья. – Вы, как и я, прекрасно знаете, что обвиняемые всегда валят вину на кого-нибудь другого. А какие дела вел Серхио в последнее время?

Можно подумать, он этого не знал. У них в производстве находилось сразу двадцать дел. И самым важным было све-

дение счетов в Вильяверде. Два месяца назад мужика убили в своей машине прямо на парковке. Подозревают братьев Лозано. Они контролировали крупный трафик наркоты в Мадрид и руководили преступлением.

– Лозано... – сказала Лусия. – Вы что, всерьез думаете, что вот этот белообрый может быть одним из головорезов Лозано?

– Может, он просто оказался не в то время не в том месте. А может, действительно псих. И приписывает себе преступление, которого не совершал, – предположил Ариас.

– А кровь на его одежде?

– Он прикасался к телу... Залез на лестницу и пытался его отцепить. Что лично я о нем знаю? Против него нет ни одного доказательства.

– Кроме его собственного признания...

– Признания «Рикардо», а не Габриэля Шварца. А адвокаты хотят нагреть на этом руки.

Лусия оглядела их всех по очереди.

– Вы что, серьезно думаете, что вся эта мизансцена напоминает сведение счетов между наркоторговцами?

– Да нет, конечно, – отрезал Пенья. – А что еще у нас есть?

Лусия посмотрела на часы:

– Вскрытие начнется через час.

– Ариас, займись этим, – приказал Пенья. – И даже речи быть не может, чтобы ты присутствовала, Лусия. Понятно?

Она кивнула и вспомнила свое первое вскрытие. Лусия

тогда была еще совсем девчонкой. Она вышла из прозекторской на ватных ногах и с бьющимся где-то в горле сердцем. Ветераны убойного отдела повели ее в бар напротив института судебной медицины – но вовсе не для того, чтобы угостить кофе. Нет, чтобы отведать по традиции кровавой колбасы с луком. Для полного счастья.

Лусия бросила взгляд на лицо белобрысого на экране. Он снова стал Габриэлем Шварцем. А может, «Иваном». Робким и неприметным. В любом случае «Рикардо» в допросной больше не было. Шварц снова превратился в растерянного ребенка.

В памяти вдруг всплыло лицо другого *растерянного ребенка*. Худенького, чуть сутулого... Он тихо говорил, склонившись над ней:

– Не делай этого, сестренка, все обойдется.

Она вышла в туалет, пропахший жавелевой водой. Как всегда, внимательно оглядела пол, прежде чем спустить до лодыжек брюки и кобуру тяжелой «Беретты-92». Такие штучки не показывают даже в фильмах: ну что женщине с оружием делать в туалете? А мужчине?

Иногда она говорила себе, что «Хеклер и Кох USP Compact» был бы практичнее «Беретты», потому что он легче, но в «Беретте» больше металла, чем полимеров.

Помочившись, Лусия привела себя в порядок, натянула трусики, брюки, повесила на место кобуру с пистолетом, спустила воду, вымыла руки и вышла. По дороге прихватила из

автомата стаканчик колы без сахара.

Влажные вспотевшие волосы она вытерла салфеткой, надела чистую тенниску и сменила форменные брюки на джинсы. Сменную одежду Лусия всегда держала в кабинете – на всякий случай. Грязные ботинки «Чак Тейлор» она почистила.

– Я связался с площадью Кастилии, – сказал Пенья, когда Лусия снова появилась в кабинете. – Бригада уже выехала на обыск в доме Шварца.

– А кто дежурный судья?

– Аламо... У нас есть шанс. Хотя, учитывая суть дела, они в любом случае не могут отказать нам в постановлении.

Лусия кивнула. Площадь Кастилии славится двумя башнями-параллелепипедами, которые клонились друг к другу, как два сумоиста, что готовятся к поединку, и еще тем, что там расположен трибунал. Если отношения полиции и прокуратуры в провинции были относительно спокойными, то здесь, в Мадриде, магистраты зачастую доходили до недоверия друг другу, учитывая их враждебность к силам порядка. Сколько раз ей приходилось сталкиваться с молодыми людьми при галстуках или с судейскими дамами метр с кепкой, которые смотрели на нее свысока и разговаривали сквозь зубы только потому, что она была маленькой и очень молоденькой женщиной, которая не прибавляла себе возраста, таская значок и пистолет на бедре...

Ей очень хотелось бы поставить их на место, объяснив,

что ее ремесло тоже очень сложно и что им не надо бы позволять себе быть врагами, а, наоборот, объединиться в общем деле поимки негодяев в этом городе. Но, по всей очевидности, у нее это не получалось. Хотя Лусия и была известна в ЦОП своим скверным характером, но всякий раз признавала свою неправоту, как и все те, кто добивается судебного постановления. И те, что склоняются перед превосходящей силой.

Они услышали шаги в коридоре и выглянули из кабинета. Длинный коридор с желтыми стенами напоминал больничный.

К ним подходил маленький человечек, держа в руках пальто и фетровую шляпу. Подойдя совсем близко, он протянул руку и представился:

– Дамазо Ферратер, психиатр.

– Добрый вечер, доктор, – сказал Пенья. – Спасибо, что так быстро приехали.

С мокрого пальто на пол стекала вода.

– Где он? – озабоченно спросил психиатр.

Пенья указал ему на экран с комнатой без окон, где в прощании сидел Шварц, а адвокат что-то ему говорил. Ферратер посмотрел на него, как отец смотрит на ребенка. И Лусия вспомнила – ей так показалось, – что точно так же смотрела на своего брата Рафаэля.

– Это просто невероятно, – сказал начальник ЦОП, словно речь шла о представлении знаменитого артиста. – Я ни-

когда не видел ничего подобного.

Держа в одной руке шляпу, психиатр другой подергал себя за бородку. Видимо, он красил и бородку, и волосы. В нем все дышало мягкостью, деликатностью и гуманностью. В его глазах Лусия уловила беспокойство.

– Что, опять «Рикардо» проявился?

Вечер понедельника

Они остановились. Прислушались.

В почти полной темноте, что царила наверху лестницы, не было слышно ни звука. Только с улицы Сан-Херонимо, что в самом центре Мадрида, доносился шум машин. На лестничной клетке было темно. Снаружи ночной воздух напоминал светящийся пузырь, в котором бесконечно мелькали фары автомобилей. А здесь было темно, словно кто-то выключил последнюю лампочку или она сама перегорела... Свет проникал сюда только через пирамидальный фонарь над площадкой, сквозь который просматривалось кровавое гало города.

Дом постройки конца XIX века. Шесть этажей. Винтовая мраморная лестница покрыта вытертым ковром, на площадке выходят тяжелые двери. А за дверями наверняка квартиры с высокими потолками, с громоздкой мебелью, тяжелыми портьерами, тишиной и скукой. Откуда-то доносился звук включенного телевизора.

– О господи, – простонал грузный слесарь, добравшись до площадки, – могли бы и лифт поставить...

– Помолчите и откройте вот эту дверь, – сказал Ариас.

Толстяк мрачно взглянул на него. Затем, порывшись в ящике для инструментов, шумно вытащил оттуда нужные.

Слишком шумно...

– Кот вас задери, что, обязательно было так грохотать? – проворчал Ариас.

– Пошел к черту! – рыкнул слесарь.

– Спокойно, – утихомирил обоих человек в сером костюме и при галстукe, который их сопровождал.

Это был адвокат судебной администрации, министерский чиновник, чье присутствие было обязательно при любом обыске. Ему так же не хотелось тут торчать, как и им не хотелось, чтобы он ходил за ними по пятам.

Как только замок щелкнул, оба полицейских сняли оружие с предохранителей: по телефону им сообщили, что у обвиняемого может быть сообщник. Потом дождались, пока мастер сложит в ящик свои инструменты и удалится, ворча и стеная. У него был свой зуб на Гражданскую гвардию.

Перешагнув через порог, они сразу зажали носы: в квартире страшно воняло. В нос ударила невообразимая смесь плесени, тухлого мяса, давно не мытой раковины и всех просроченных продуктов разом. К этому присоединялся запах земли, талька, воска и пота.

– Рубен, у тебя одеколончика не найдется?

В ответ раздались смешки: тот, кого называли Рубеном, славился тем, что слишком обильно опрыскивался одеколоном, отправляясь на работу. Один за другим они вошли в квартиру. Кто-то нашарил выключатель. Загорелся неверный, голубоватый, еле живой свет. Едва они сделали по квар-

тире несколько шагов, как что-то пробежало по ногам, и раздался резкий крик.

– Черт! – ругнулся один из полицейских.

На лестничную площадку с громким мяуканьем и шипением выскочили с дюжину кошек всех мастей и калибров – черные, тигровые, сиамские, ангорские – и завертелись возле ног полицейских, то забегая в квартиру, то снова вылетая на площадку и устраивая там кучу-малу.

Полицейские огляделись вокруг. Это была не квартира, а какие-то джунгли. Слабо освещенный неоновой лампой коридор был оборудован под оранжерею. Все пространство занимали растения. У одних были большие и широкие, с ладонь, листья, другие вились, как лианы, или свешивали свою густую листву с висячих горшков как раз на уровне лица. Вентилятор закачивал в квартиру теплый воздух, листья шевелились и гладили вошедшим лица. Ариас пробирался сквозь густую зелень, по пути считывая этикетки: *Strelitzia reginae*, *Monstera deliziosa*, *Syngonium podophillum*, *Senecio rowellianus*...

– О господи, – сказал тот, кто шел сразу за ним, – ну и квартирка!

– Ладно, здесь надо все обыскать, – бросил Ариас, натягивая латексные перчатки и бахилы. – Ведите Шварца!

По закону обыск были обязаны проводить в присутствии владельца жилья. Белобрысый дожидался на первом этаже под охраной двух гвардейцев, причем заявил, что потерял

ключи от квартиры.

– Что за вонища! – Один из охранников поморщился.

– Да уж, будто ты напердел! – отозвался другой.

– А правда, что те, кого ты допрашиваешь, сами садятся за стол, лишь бы не воняло?

В ответ снова прозвучали смешки.

– Господа, пожалуйста, соберитесь! – прикрикнул на них судебный чиновник.

– Он прав, – заметил Ариас. – Вы вообще помните, ради чего сюда пришли? Точнее, ради *кого*?

Такой вопрос словно холодом всех обдал. Кто опустил глаза, кто просто замолчал, не желая больше отпускать шуточки. Серхио все хорошо знали. И знали, что его нашли голого на кресте где-то к северо-востоку от Мадрида.

Ариас медленно начал двигаться по коридору. На пороге кухни он застыл на несколько мгновений.

– *Это еще что такое?*

* * *

– Диссоциативное расстройство личности, – сказал Дамазо Ферратер, – которое иногда называют множественным раздвоением личности. Оно фигурирует в словаре диагностики и статистики психических расстройств.

Психиатр протер очки концом галстука и снова водрузил их на свой шишковатый нос.

– Обычно это расстройство возникает у людей, испытавших в детстве сильный стресс или психическую травму. Таков случай Габриэля... Отец его нещадно драл, мать презирала; в общем, он всегда был объектом издевательств. В восьмидесяти процентах случаев заболевание обусловлено посттравматическим стрессом, а примерно от восьмидесяти пяти до девяноста процентов оно – плод сексуального насилия, перенесенного в детстве. Диссоциация выступает как средство защиты от травматической ситуации, ухода от нее. Со временем она становится единственным средством избежать стресса.

При этих словах взгляд Лусии, обращенный на него, приобрел оттенок зимнего неба. Ее снова вернули в детство. Какими бы ни были деяния монстров, ребенок всегда выступает их оправданием.

– Часто при этом расстройстве возникает амнезия и другие проблемы с памятью: налицо все доказательства его действий, включая незаконные, но сам пациент ничего не помнит. Или помнит только одно из его *alter ego*, а остальные – нет.

– Незаконные? – взревела Лусия. – *Незаконные?* Он *за*резал моего напарника, доктор. Он всадил ему в сердце эту чертову отвертку! Он приклеил его к этому гребаному кресту! Провалы в памяти, говорите? Делов-то! Посидит в больничке, поглотает таблеток, а потом безответственный психиатр снова выпустит его на волю!

Она вплотную придвинула лицо к физиономии психиатра. От нее шли волны гнева, как волны тепла идут от электронагревателя. Пенья оттащил ее назад. Ферратер пристально уставился на нее, прищурился глазами. Не выказывая никаких эмоций, он словно анализировал полученные данные: голос, реакции, позу, элементы языка тела.

– Не скрою, диссоциативное расстройство личности считается одним из спорных диагнозов, – признал доктор. – Некоторые мои коллеги ставят под вопрос само его существование. К тому же оно более известно в США, чем в Европе. Самый знаменитый пример – это Билли Миллиган, первый признанный невменяемым по причине диссоциативного расстройства. В общей сложности контроль за разумом Миллигана оспаривали двадцать четыре различных личности. Но здесь, по крайней мере, существует судебная практика. Я мог бы привести вам множество случаев, когда испанский трибунал признавал, что при этой патологии человек может *либо вовсе не сознавать содеянного, либо неправильно его оценивать.*

– О господи! – в ярости вскрикнула Лусия.

– Я хорошо знаю Габриэля, – без всякого смущения продолжил Дамазо Ферратер. – Я много лет его наблюдаю. Он не симулянт. Он жаловался на головную боль?

Пенья кивнул.

– Это часто бывает у тех, кто болен подобным расстройством, когда на них оказывают давление, – сказал психиатр.

Лусия с шумом выдохнула воздух.

– А распятие, – спросила она, – ни о чем вам не говорит, ни о чем не напоминает?

– В отношении Габриэля, вы хотите сказать? Абсолютно ни о чем. Он никогда не проявлял интереса ни к религии, ни к любым близким к религии дисциплинам. Насколько я знаю, ни одна из его личностей не страдает мистическим бредом. Разумеется, крест – символ страдания, мучений Распятого. Он воскрешает в памяти нечеловеческое страдание. А Габриэль – существо страдающее.

Услышав такие слова, Лусия снова взвилась.

– Вам следует взять его под стражу, – прибавил психиатр. – Но сначала убедитесь, что он не сможет причинить себе вреда. У семидесяти процентов людей, страдающих таким расстройством, бывают попытки суицида. Серьезный пресинг, которому он сейчас подвергается, может спровоцировать такую попытку.

– А мог он подпасть под чье-то влияние? – вдруг спросил Пенья.

Ферратер задумался. Потом утвердительно качнул головой.

– Некоторые терапевты считают, что пациенты с таким расстройством более внушаемы и легче поддаются гипнозу. По мнению других, терапевты сами зачастую обостряют симптомы. Если кто-то решит манипулировать таким больным, то не исключено, что он подчинится.

– Спасибо, доктор, – сказал Пенья.

– Его осматривал врач? – спросил психиатр.

– Пока нет. Мы не подавали запрос.

– Подайте. Габриэль – гемофилик. К нему три раза в неделю приходит медсестра, чтобы внутривенно ввести «Фактор VIII», то есть фактор свертывания крови.

– Гемофилия прекрасно контролируется, – вздохнула Лу-
сия, – потому вы и не считаете, что он нуждается в постоян-
ном содержании под присмотром.

* * *

Ариас неподвижно стоял на пороге кухни. Бледная неоновая лампа в плафоне мигала. В этом неверном свете кухня имела зловещий вид. Неон освещал ее урывками. Восемь стульев. Два из них по краям стола. Восемь приборов. Восемь красивых круглых салфеток. На двух тарелках – остатки трапезы; в бокале, на самом доньшке, – остатки вина. Кругом крошки. Остальные приборы нетронуты.

На полу целая вереница кошачьих мисок. И повсюду растения: на рабочих столах, на шкафах, на подоконниках. По кухне плыл запах горечи и раскопанной земли.

Ариас почувствовал, как сильно забилося его сердце. Зрение у него было отличное, что необходимо при такой профессии. Ну, во всяком случае, достаточно хорошее, чтобы различить, что написано на круглых салфетках: ГАБРИЭЛЬ,

ИВАН, МАРТА, ФЕРНАНДО, КАРЛ, ВИНЦЕНТ, РИКАРДО...

К стенам были приколоты кнопками круглые куски бумаги. И на каждом из них – грубо набросанные фломастерами мужские и женские портреты. Местами бумага была прорвана, как будто портреты кто-то рисовал в спешке или в ярости. Можно было подумать, что их рисовал ребенок. И снова те же имена: Иван, Марта, Карл, Рикардо...

– Божественная доброта!

Он подошел к столу. На дне одной из чашек осталась какая-то темно-коричневая жидкость. Он наклонился. Это не был ни чай, ни кофе, ни даже мате. Больше всего это смахивало на какую-то настойку или отвар. Он понюхал.

– Фу, какая гадость!

Запах был горький, резкий и неприятный.

– Приведите-ка сюда Шварца, – сказал он.

Когда вошел белобрысый, Ариас спросил у него:

– Что это такое?

Ответа не последовало. Полицейский достал телефон, сделал несколько фотографий и отослал их.

* * *

Лусия изучала фотографии. Потом, не отрываясь от этого занятия, позвонила Ариасу.

– Это место меня пугает, – сказал тот, и Лусия вспомнила,

что точно такое же выражение употребил Пенья, когда говорил о Шварце.

– Ариас, мне нужно, чтобы ты со всей точностью описал мне стол. В малейших деталях.

Он медленно двинулся вокруг стола.

– Они ели спагетти болоньезе. На тарелках немного осталось. Пили вино и вот эту штуку.

– Какую штуку?

– Похожа на настойку. Да вот: густая, коричневая, с неприятным запахом.

– Отправь ее токсикологу. А сколько человек из них что-нибудь ели?

– Двое. Остальные приборы никто не трогал.

– Имена. Назови мне их имена.

– Подожди. Первое имя... Рикардо.

– А второе?

Ариас помолчал.

– Здесь имени нет. Странно. Такая же круглая салфетка, но без имени...

– *А где она лежит?*

– В торце стола. Как салфетка с именем Рикардо. Они лежат напротив друг друга. Остальные приборы стоят по бокам.

– Где стоит чашка с настоем?

– Рядом с тарелкой Рикардо.

– Спасибо. – Лусия обернулась к Пенье. – С ним явно кто-

ТО БЫЛ.

Часть II

Саломон

5

Утро понедельника

Он ускорил шаг. Было холодно. Просто собачий холод. Туман и мокрый снег не выпускали город из влажных ледяных объятий. Он трусцой пробежал по плитам мостовой узкой улицы *Calle Libreros* – Книжных рядов, – чтобы спрятаться от кусачего холода.

Была и еще причина спешить: он опаздывал.

Он уже ожидал услышать звуки труб, открывающие церемонию в стенах исторического здания университета в центре Старого города. *Уже началось.* Саломон Борхес, шестидесяти двух лет, маленький, коренастый, чуть подплывший жирком профессор криминологии и криминалистики юридического факультета Университета Саламанки, еще быстрее засеменил на коротких ножках. Лавируя между редкими туристами, рискнувшими выйти в такое непогожее осеннее утро, он устремился к порталу, который выходил на фасад ренессансного здания, сплошь изрисованного граффити.

Портик вел в окруженный аркадами внутренний дворик,

где росла тридцатиметровая секвойя, утопая зеленой вершиной в густом тумане. Саломон свернул налево, на галерею с колоннами, потом направо.

Пройдя мимо дверей старых лекториев, где преподавали Дорадо Монтеро⁵, Унамуно⁶ и фрай Луис де Леон⁷, он добрался до двери большой аудитории как раз в тот момент, когда последние члены кортежа скрылись внутри.

Все было торжественно, как и положено.

После своего дебюта в должности профессора Саломон так и не обзавелся парадным костюмом. Зимой носил старое потертое пальто, белая рубашка постоянно выбивалась из-под брючного ремня, а густая шапка волос оттенка «перец с солью» явно нуждалась в расческе, придавая своему хозяину такой вид, будто он только что вскочил с постели. И то, что университетскому старичью доставляет удовольствие скрывать свой возраст, ему всегда казалось неуместным; более того, он считал это симптомом ярко выраженного снобизма. Или старческого слабоумия. Он прекрасно знал, какой ответ получит: «Такова традиция, дорогуша». Традиция – волшебное слово в этом университете, основанном в 1218

---

⁵ Педро Дорадо Монтеро (1861–1919) – испанский писатель, историк, политик и выдающийся юрист, преподавал в Университете Саламанки.

⁶ Мигель де Унамуно-и-Хуго (1864–1936) – испанский философ, писатель, общественный деятель; с 1891 г. профессор Университета Саламанки, затем ректор.

⁷ Луис Понсе де Леон (1527–1591) – монах, профессор Университета Саламанки, религиозный философ, поэт, представитель испанского Возрождения.

году, который папская булла *Licentia ubique docendi*⁸ 1255 года утвердила как важное учебное заведение. Вследствие чего немалое количество членов этого университета решили, что они суть соль земли.

Саломон Борхес уселся на скамью среди студентов и преподавателей университета, явившихся на торжественную церемонию по случаю начала нового 2019–2020 учебного года.

В этом году церемония запоздала: занятия 801-го университетского сезона начались на несколько недель позже.

Саломон старался сосредоточиться на речи ректора, только что взявшего слово, но это было трудно. Ректор в бесконечной нудной литании благодарил всех присутствующих: ректоров соседних университетов Вальядолида, Леона и Бургоса, советника по образованию Кастилии и Леона, директора университета и научно-исследовательского института, мэра, генерального секретаря Папского университета, подполковника комендатуры Гражданской гвардии...

На Саломона напала зевота. Ректор подчеркнул продвижение университета в национальной и международной классификации. Затем отметил, что Европейский совет по исследовательской деятельности постановил выделить Университету Саламанки два с половиной миллиона евро сверх двадцати, полученных в общей сложности всеми испанскими университетами.

---

⁸ «Право преподавать повсюду» (*лат.*), действительное в любой христианской стране с XIII в.

Саломон на секунду закрыл глаза. Когда он вновь их открыл, ректор передал слово гениальному профессору химии, которому в этом году выпало произнести речь по случаю начала учебного года. Поскольку профессор был начисто лишен чувства юмора, Саломон боялся самого худшего. Оратор красовался на трибуне и виртуозно втирал очки аудитории, за что удостоился неодобрительного взгляда своей соседки. «Все устаревшие церемонии созданы для того, чтобы вы не забывали, где находитесь, – думал Саломон. – „Вы предполагаете, что представляете собой что-то важное? – говорят они. – С точки зрения истории этого университета и этого города вы – ничто. Вы – никто, и звать вас никак. Вы – просто один из сотен тысяч себе подобных“».

Он снова стал клевать носом. Вокруг поднялся какой-то шумок. Стоп! Сколько же он проспал? Судя по всему, церемония кончилась, потому что все начали вставать. Вот и отлично. Саломон тоже поднялся и отправился искать человека, которого ему надо было найти.

Эктор Дельгадо, советник по образованию правительства Кастилии и Леона⁹. Худощавый, ухоженный, тщательно выбритый; пронизательный взгляд из-под прямоугольных очков, волчья усмешка и «гусиные лапки» в углах глаз. Рядом с кругленьким Борхесом он выглядел как хорошо заточенный карандаш. Они знали друг друга еще со школьной скамьи.

---

⁹ Правительство Кастилии и Леона – орган управления и администрации при автономном сообществе этих областей.

Разве что Дельгадо выглядел лет на пятнадцать моложе.

– Эктор! – крикнул Саломон, подходя к приятелю.

Советник увидел его и, обменявшись несколькими словами с небольшой группой людей, отошел от них и взял Борхеса под локоток.

– Саломон... И ты пришел? С каких это пор ты интересуешься подобными церемониями?

– Да с тех самых, как ты на них присутствуешь, – ответил криминолог.

Улыбка исчезла с лица Дельгадо.

– Я так полагаю... Ты пришел напомнить мне, что я обещал финансировать твой проект, так?

– Так.

– Ты не хуже меня знаешь, что время сейчас трудное...

– Но не для всех. У вас там, в совете, щедрость строго избирательна.

Дельгадо не то хрюкнул, не то рыкнул.

– Знаешь, в чем твоя проблема, Саломон? В нехватке смирения... Вместо того чтобы время от времени нагнуться и почистить кому-то сапоги, подмазать помаленьку здесь и там, ты мнишь себя выше остальных и предпочитаешь оставаться в своей башне из слоновой кости. И теперь ты пытаешься выманить у меня деньги.

Саломон слегка вздрогнул.

– Выманить? У тебя? Насколько я знаю, это не твои деньги, Эктор. Это деньги налогоплательщиков. И принадлежат

они региону. И университету в том числе.

– Совершенно верно. По этой причине их следует тратить очень экономно. И совсем не потому, что мы с тобой дружим или испытываем друг к другу привязанность.

– Наша дружба тут ни при чем, и ты явно не испытываешь ко мне никакой привязанности, – с улыбкой парировал Саломон. – ДИМАС – проект революционный. И у меня блестящие студенты. Они проделали невероятную работу. Мы уже на финишной прямой, но у нас нет финансирования. Гражданская гвардия и другие полицейские подразделения очень внимательно следят за проектом.

На одном из ближайших кафедральных соборов зазвонили колокола. Стая голубей взлетела с мостовой, их поддержали монастырские. Туман понемногу рассеялся, обнажая линии старинных камней.

– В совете есть люди, которые не доверяют твоему проекту, Саломон. В чем он состоит, твой «революционный информационный инструмент»? Его никто никогда не видел. Дай мне хоть какую-нибудь конкретику, и я увижу, что смогу сделать.

– Какая-нибудь конкретика? Что ты имеешь в виду?

– Ну я не знаю... Результаты. Какие-то решительные действия. Ведь ДИМАС задуман именно для этого, разве не так?

– Решительные действия... и это все? Для этого нам понадобятся дополнительные средства.

Профессор криминологии понимал, что при теперешнем

положении вещей Дельгадо просит невозможного. И советник по образованию тоже это понимал. Со скучающим видом он произнес:

– Поставь себя на их место: они не могут финансировать то, чего даже не видели. – Взглянул на массивные наручные часы. – Сожалею, но я должен идти. Пообедаем как-нибудь вместе, с глазу на глаз?

Вопрос получился риторический. Они уже многие годы не сидели вместе за столом. Дельгадо уходил прочь, и его ботинки скользили по плиткам мостовой. Саломон поднял голову, любясь огромной секвойей, посаженной в 1870 году. Ее вершина пробивала туман между окон второго этажа, украшенных мавританскими узорами. Он вздохнул и, как всегда, собрался утешить себя какой-нибудь покупкой в соседнем книжном магазине «Галатея» – *La Galatea, libreria antiquaria, compra-venta de libros, manuscritos y grabados*¹⁰, – как в кармане его пальто завибрировал телефон.

Улисс...

Улисс Джойс никогда не звонил ему на мобильник. Интересно, что с такой срочностью стремился ему сообщить студент факультета информатики, приехавший из Англии? Улисс уже два года вместе с другими студентами работал над проектом, и слово «срочно» в их лексиконе не фигурировало.

---

¹⁰ «Галатея», магазин продажи и покупки старинных книг, рукописей, гравюр и эстампов (*исп.*).

Но в голосе Улисса Джойса прозвучало что угодно, только не подавленность, когда он крикнул в трубку:

– Профессор, ДИМАС кое-что обнаружил!

Утро понедельника

Саломон вышел на маленькую площадь, где пара молодых замерзших туристов развлекалась тем, что искала среди десятков скульптур на фасаде знаменитую лягушку. Вдыхая влажный туман, вдруг заметил, что сердце у него колотится, как у птенца.

ДИМАС кое-что обнаружил.

Срезав путь по узким улочкам Старого города, профессор оказался на авеню де-лос-Маристас. Холодная сырость покусывала лицо, заползала за воротник пальто и под хлопковую рубашку. Туман каплями проступал на стенах, ложился влагой на тротуары, на стоящие машины и на одежду пешеходов.

Саломон съезжился в своем пальто, идя по улице, совсем как Леонардо Ди Каприо в фильме «Выживший».

Из тумана показался юридический факультет: большое современное здание – не то атриум, не то бункер, – выстроенное в английском стиле. Конструкции из стекла и стали были кое-где обшиты тем же желтым камнем из Вильямайор, из которого когда-то строили все красивые городские памятники. Факультет располагался в университетском квартале, примерно в километре от центра. Перепрыгивая через ступеньки, Саломон взлетел по лестнице восточного входа –

откуда обычно входил профессорский состав – и приложил свой ярко-красный бейджик к глазку считывающего устройства. Пройдя по застекленному холлу, вышел на пешеходный мостик, ведущий вокруг внутреннего двора.

ДИМАС кое-что обнаружил... Внутренний двор, тоже застекленный, был разделен на две части подвесным мостиком. Две более молодые секвойи – потомки той, что росла во дворе исторического здания – устремляли свои вечнозеленые вершины в густой туман. В затененных уголках, отказываясь таять, лежал ранний снег. Саламанка, стоящая на плато на высоте восьмисот метров, летом обжигает, а зимой замораживает.

Двигаясь в потоке оживленно что-то обсуждавших студентов с книгами и ноутбуками под мышками, криминолог быстро добрался до западного крыла здания, спустился вниз и оказался на уровне внутренних переходов, которые привели его к застекленной стене. Там, в подвале, находились помещения его группы.

Саломон приветственно помахал Ассе и Корделии, которые за прозрачной перегородкой смотрелись, как в аквариуме, кивнул Веронике и Харуки в следующем прозрачном отсеке и подошел к двери с надписью «Лаборатория криминалистики». Два года назад эти помещения практически никак не использовались. Некоторые студенты криминологического курса сюда даже не заходили. Пока помещение не заняла группа Саломона и оно не стало штаб-квартирой и

сердцем ДИМАСа.

Саломон толкнул дверь и вошел в комнату с низким потолком и неоновым освещением, размером примерно семь на одиннадцать метров. Слева от двери располагалось длинное окно, всегда плотно занавешенное, хотя дневной свет сюда и так никогда не проникал.

На остальных стенах висели в рядок портреты, свидетельствовавшие о явном влиянии ФБР и западного криминалита: Чарльз Мэнсон, Тед Банди и другие серийные убийцы. Кроме портретов – фото отпечатков пальцев крупным планом и пластиковый манекен на матрасе.

Но самый загадочный предмет возвышался посередине комнаты: настоящая походная палатка из голубой ткани, рассчитанная на целую семью.

Криминолог сделал еще несколько шагов, миновал навес палатки, откинул полог и вошел внутрь.

Он остановился на пороге. Несколько экранов пробивали полумрак палатки слабым светом. Над ними спиной к Саломону склонились две фигуры. Они были настолько поглощены экранами, что, казалось, не заметили его присутствия. Компьютеры, электрические кабели, столы, заставленные вычислительной техникой и лампами, занимали почти все пространство.

Саломон кашлянул. Обе фигуры обернулись. Улисс Джойс, высокий, тонкий, по-кошачьи гибкий, с оттопыренными ушами и запоздалыми подростковыми прыщами на

лице, очень уж запоздалыми... В свои двадцать шесть лет Улисс был докторантом, соискателем, как и другие члены группы. Докторантом был и двадцатипятилетний Алехандро Лорка, приехавший из Линареса. С такими горящими глазами и черными, как смоль, волосами он вполне мог бы играть в испанских сериалах про молодых идальго, прекрасных, как боги.

Оба парня улыбались в свете экранов. Саломон внимательно на них посмотрел. Сердце у него забилося.

– Ну? Что обнаружил ДИМАС?

– Три случая, – отозвался Улисс.

– Три, – повторил Алехандро.

По глазам и по лицам ребят было видно, что они очень взволнованы. Но было в их глазах и еще что-то. Триумфальный блеск. И Саломон почувствовал, как лихорадочное возбуждение ребят передается ему.

«Случай». Это слово не входило в их обычный лексикон. Между собой они сказали бы *подборка, пятна, графики, контуры, петли, деревья, переменные, объекты*. В их сленге попадались даже такие диковинки, как Питон или Анаконда.

Саломон знал, что отныне у них есть алгоритмы почти всего, что нас окружает. Науки, финансов, автомобилей, телефонов, сериалов от «Нетфликс», «Эппл ТВ», «Амазон Прайм», выбора сексуальных партнеров на сайтах знакомств или посредников в биржевых операциях... Без них плане-

та остановится и перестанет вращаться. Улисс и Алехандро растолковали ему, что на самом деле алгоритмы существовали еще со времен Античности, что даже такую простую вещь, как приготовление хлебных тостов, можно представить в форме алгоритма. Однако Саломон так и не смог понять, о чем шла речь. То ли был слишком умен, то ли совсем глуп...

Единственное, что он понял, это то, что парням удалось чего-то добиться. «Случай» означал определенный результат. Это даже ему было понятно. И для него важным было только это.

– Давайте выкладывайте, – сказал он.

ДИМАС. Димас, он же Дисмас, Десмас или Думахус, от греческого *дисме* – «сумрак», покровитель воров. Это имя они выбрали для своей программы, «похитителя» данных.

ДИМАС. Программа и база данных, которая со временем будет способна коррелировать информацию, содержащуюся в разных картотеках полиции и Гражданской гвардии, касающуюся убийств, незаконного лишения свободы, фактов пыток, варварства и сексуального насилия. С ее помощью можно будет установить связь между преступлениями, которая раньше оставалась незамеченной, и преступления считались не связанными между собой. Такой инструмент давно хотели получить все силы закона и порядка в этой стране. В течение двух лет во всех уголках страны жандармы Гражданской гвардии и полицейские добровольно пополняли базу

данных, внося в нее сведения из своих картотек. Программу и вопросники для заполнения при загрузке в ДИМАС разработали Саломон и его группа докторантов, которые трудились над ней, как только намечался просвет в повседневных занятиях. Целиком все свое время посвящали проекту только Улисс и Алехандро, двое программистов группы. ДИМАС был первой программой такого рода, которая сочетала в себе искусственный интеллект и алгоритмы. Именно это и делало приближение к цели таким революционным. Но пока все находилось на стадии кустарной обработки. Если же ДИМАС продемонстрирует конкретные результаты, это привлечет финансирование, и база данных станет быстро пополняться из всех служб судебной полиции Испании.

– Мы изменили программу сортировки информации, – начал Улисс. – Вернулись к сортировке с включением подписков из пятнадцати элементов. И заметили, что большинство нарушений в работе ДИМАСа зависели не от нас.

Сколько дел оставались нераскрытыми, потому что местные и национальные службы не имели общей для всех программы, способной их скоординировать? А ведь в других странах такие программы уже существовали.

– Последний сбой произошел из-за ЦНД, – продолжил Улисс, – из-за их чертовых фаерволов¹¹. Но они это устра-

---

¹¹ Фаервол (англ. firewall), он же брандмауэр, он же межсетевой экран – технологический барьер, который защищает Сеть от несанкционированного или нежелательного доступа.

нили.

ЦНД – Центр накопления данных, – по сути, был сердцем университетской информатики. Его помещения располагались с другой стороны двора, в северном крыле. Сорок человек работали с тридцатью серверами «Сан микросистемс». Саломон абсолютно не понимал, как все это работает, в информатике он не разбирался. Зато знал, что один из этих серверов поддерживает ДИМАС. Это было словно виртуальный кусочек того металлического шкафа, который ему когда-то показали. А фаерволы – один из видов невидимой защиты – отделяли и изолировали другие программы, которые разрабатывали в университете, чтобы избежать проникновения вируса в любую из программ и заражения всей системы.

Саломон почувствовал легкое опьянение.

– Да бросьте вы этот свой компьютерный жаргон, – сказал он, – и расскажите наконец, что обнаружил ДИМАС...

Понедельник, после полудня

– Три дела, – сказал Улисс Джойс.

– Объединенные множеством элементов, – дополнил Алехандро Лорка.

– Три дела об убийствах, – уточнил молодой англичанин. – И никто не установил связи между ними... до сих пор.

В их голосах зазвучала вибрация более низкой частоты. Частоты *эмоциональной*. Саломон ощутил легкое покалывание в затылке.

– Я вас слушаю.

У него возникло впечатление, что сердце его начало тикать, как старинные часы. Улисс бросил взгляд на Алехандро, тот кивнул и поднял глаза на Саломона.

– Первое – двойное убийство, которое произошло тридцать лет назад, в тысяча девятьсот восемьдесят девятом. Жертвы: супружеская пара около тридцати лет.

Двойное убийство... Продолжения Саломон дожидался с пересохшим горлом. Экраны снизу подсвечивали лица его докторантов.

– Они выехали из своего дома в Барбастро, в провинции Уэска, на северо-востоке Испании, – счел нужным уточнить Улисс, которому география Испании была не так хорошо знакома, как Саломону и Алехандро, – десятого июня во-

семьдесят девятого года, в семь утра. Мужчина сидел за рулем маленького грузовика доставки товаров, его жена рядом с ним. Они должны были доставить груз фруктов и овощей в торговые точки Грауса, деревни с тремя тысячами жителей, расположенной в предгорьях Пиренеев, в получасе езды к северу. Они остановились позавтракать на равнине, в кафе заправочной станции, и поехали дальше на север. Официант был последним, кто видел их живыми. Кроме убийцы, разумеется...

Голос Улисса слегка дрожал. Тент палатки, казалось, тоже вибрировал, как надкрылья у насекомого. А может, это в груди криминалиста трепетало сердце.

– Еще до подъезда к Граусу, – подхватил Алехандро, – дорога, извилистая и со скверным покрытием, проходит сквозь одиннадцать туннелей. Потом километров семь идет по берегу озера. Деревня расположена чуть поодаль, на берегу реки Эзеры.

Очевидно, Улисс и Алехандро не спали всю ночь, стараясь запомнить детали досье, которое им выдал ДИМАС.

А может быть, пополнили свои познания из интернета. Сегодня там можно найти все что угодно.

– Судя по «черному ящику» грузовичка, он останавливался в первый раз между пятым и шестым туннелями – никто так и не узнал зачем, – потом, спустя минуту, снова поехал и опять остановился, на этот раз окончательно, между седьмым и восьмым туннелями. Там их и убили. Им стреляли в

голову через лобовое стекло: сначала мужчине, потом женщине. С того времени, как они съели в кафе свой последний завтрак, прошло примерно четверть часа.

– Продолжайте.

Большие глаза Улисса и Алехандро сверкали.

– Около восьми тридцати утра, – продолжил Алехандро, – спустя сорок минут с того времени, как грузовик остановился окончательно – несомненно, супружеская пара уже была убита, – по дороге проезжал автомобилист и, увидев стоящую на повороте машину, остановился узнать, не нужна ли помощь. Он и обнаружил трупы. Они лежали между грузовичком и краем придорожной канавы, и с дороги их не было видно. Автомобилист вызвал Гражданскую гвардию. Патруль приехал из Грауса примерно через десять минут. Он сразу идентифицировал тела: молодую пару знали все, поскольку они разъезжали по району, развозя по деревням свою продукцию. Сразу же вызвали отца мужчины, старика, жившего в одном доме с сыном и невесткой. «А где мой внук?» – сразу спросил он. «Ваш внук?». Старик объяснил, что в тот день они поехали втроем: его сын, невестка и внук девяти лет. Как только они вернутся, вся семья собиралась поехать на озеро купаться. Но рядом с грузовичком обнаружили только *два* трупа. И никаких следов мальчика. Гвардейцы сразу обшарили всю канаву и окрестности, но все было напрасно. *Ребенка нигде не нашли.* Он исчез. Улетучился. Прошли три десятилетия, а вопрос о том, что же все-таки

произошло, так и остался без ответа. Как и вопрос о том, кто был убийца – или убийцы. Загадка вот уже тридцать лет остается неразгаданной. Кто в то утро убил супружескую пару? Куда делся ребенок? Дедушка умер в две тысячи восьмом, так и не найдя ответы на эти вопросы.

В палатке повисла тишина, такая густая, что даже лихой рок английского производства, доносившийся из репродуктора, показался Саломону тихим и далеким.

– И это еще не все, – сказал Алехандро, – надо еще рассказать тебе¹² про мизансцену...

Криминолог провел кончиком языка по губам.

– Продолжайте...

– Есть еще вишенка на торте, – заговорил Улисс, не скрывая волнения. – После того как супругов убили выстрелами в голову, их вытащили из машины, раздели догола и расположили на обочине между дорогой и канавой. Самое странное – это то, *каким образом* их расположили. Женщина сидела на шоссе, опершись спиной на бетонный столбик, служивший отбойником. Грудь ее была обнажена, ноги раздвинуты. Мужчина, тоже голый, стоял на коленях между ее бедер, повернувшись спиной к дороге и к машине, наклонился к ней и обвивал рукой ее талию, а она положила руку ему на плечо. Они словно танцевали. Бедра и ягодицы голого мужчины прикрывала прозрачная красная ткань. А у женщины

---

¹² Испанцы переходят на «ты» гораздо легче французов. Такое чисто дружеское обращения ученика к учителю считается нормой.

колени были обвязаны зеленой тканью.

Саломон посмотрел на них задумчивым, отсутствующим взглядом и вздохнул.

– Давай мы расскажем тебе о других двух случаях, – сказал Улисс.

Понедельник, после полудня

– Первый случай пресса окрестила «двойным преступлением в туннелях». Жертвам второго двойного убийства журналисты дали имя «супружеская пара из Алькасара».

Улисс выдержал паузу. «Этому юному англичанину нравится держать публику в напряжении», – подумал Саломон, рассудив, что, если б тут оказался пульсометр, он показал бы, что его пульс зашкаливает за сотню.

– Еще одна пара. На этот раз из Сеговии. Бездетная. Какой-то гуляющий обнаружил их утром, в марте две тысячи пятнадцатого на холмах, как раз напротив Алькасара. Эти двое получили больше сорока ножевых ранений в туловище, в шею, в лицо и в область гениталий.

Алькасар в Сеговии – это барочный замок, стоящий на вершине обрывистого пика и напоминающий собой архитектурное чудачество Людвига II Баварского или замок Уолта Диснея. Говорят, знаменитый мультипликатор взял замок Людвига как образец для своего замка Спящей красавицы. Сеговия расположена в центре Испании, в двух часах езды от Саламанки и в часе езды от Мадрида.

– Поза пары из Сеговии тоже была очень странной, – объяснил Алехандро. – Мужчина сидел, скорчившись и опершись спиной о ствол дерева, а женщина – между его колен,

опершись спиной ему на грудь и поджав ноги слегка вбок. Как и пара в туннеле, оба были совершенно голые. На плечи мужчины была наброшена прозрачная красная накидка, а бедра женщины были обвязаны зеленой тканью. И еще детали, пожалуй, самые странные: у обоих на ногах были сандалии, никак не соответствующие размерам стоп, а между ступнями и у мужчины, и у женщины лежали маленькие букетики цветов. Женщина сидела на... теннисной ракетке.

– Опять постановочная мизансцена, – заметил Саломон.

– И опять два цвета: красный и зеленый, – прибавил Александро каким-то восторженно-молитвенным голосом.

– А почему «супружеская пара из Алькасара»? – поинтересовался криминолог. – Только потому, что они были женаты и их нашли в этом месте?

– Не только поэтому, – вмешался Улисс. – Изучив их телефоны и переписку в социальных сетях, полиция выяснила, что в каждую годовщину своей свадьбы они приезжали сюда, в то место, где в первый раз поцеловались – и где их наши мертвыми. В этом месте было много крови, и это говорит о том, что убили их именно здесь. Орудие убийства не нашли. И убийцу – или убийц – тоже не нашли, как и в первом случае. Однако свирепость, с которой в этих двоих вонзали оружие, заставляет думать об убийстве из ревности или по большой страсти...

– Вы говорили, что случаев было три, – заметил Саломон. У него пересохло во рту. Где-то в коридоре, за пределами

палатки, раздался звонкий женский смех.

– Третий был в Бенальмадене, на Коста-дель-Соль, прошлым летом, – отозвался Улисс. – Супружеская пара туристов была зарезана в собственной постели в доме на берегу моря, который они арендовали. Пара тоже бездетная. Англичане. Об этом писала прошлым летом одна из газет. Большую часть времени они проводили в бассейне, расположенном над городским пляжем. Это наводит на мысль о том, что за ними наблюдали с пляжа. И устроили им настоящую бойню: около шестидесяти ножевых ударов в грудь, в шею, в лицо и в область гениталий. Мужчина лежал на спине в распахнутой на груди рубашке, левая рука вытянута вдоль тела, согнутая правая лежала на груди. На ногах сандалии, тоже не по размеру ступни. Рубашка на нем была зеленая. Щиколотки обвивала толстая веревка. Но нельзя сказать, что ноги были связаны: веревка лежала свободно. Таз был обернут красной тканью. Женщина лежала возле него на боку, голая по пояс, в середину груди воткнут старинный кинжал, рука томно закинута за голову, ноги обвиты зеленой тканью.

По мере того как Улисс рассказывал, интерес Саломона возрастал в геометрической прогрессии.

– Восемьдесят девятый, пятнадцатый, восемнадцатый, – проговорил он. – Почему такая долгая пауза между первыми двумя преступлениями?

Докторанты переглянулись, Улисс пожал плечами.

– Возможно, преступник сидел в тюрьме.

– Или был за границей, – подсказал Алехандро, – и убивал уже там.

– Первую пару застрелили, вторую и третью зарезали. Кроме того, у первой пары был ребенок, у остальных детей не было. *Что-то тут не вяжется...* То есть в общей сложности у нас есть позы тел, сочетания цветов и то, что тела были обнажены?

– Не только, – с явным удовольствием произнес Улисс.

Саломон повернулся к нему. Глаза англичанина блестели.

– Что еще?

– Чтобы удерживать тела в нужных позах, преступник пользовался клеем.

– *Клеем?*

– Да. Причем большим его количеством... Экстра-сильным клеем. Он смазывал спины, руки и прочие части тела своих жертв, чтобы те держали нужные ему позы.

– И что, никто, кроме ДИМАСа, не сопоставил эти детали?

Улисс расплылся в широкой улыбке.

– Всеми этими делами занимались разные ведомства. В контакт они не вступали, учитывая большие расстояния: место первого преступления находилось на севере страны, место второго – в центре, а место третьего – на юге. Если все это дело рук одного человека, то в последние несколько лет он много ездил. И потом, как ты заметил, с момента первого преступления прошло уже тридцать лет.

Саломон покачал головой. В испанской полиции и Гражданской гвардии хватало баз данных: интранет СИНДЕПОЛ для жалоб, ПЕРПОЛ для тех, кто уже имел неприятности с законом, ВИОГЕН для серьезных случаев насилия. Но прежде всего – СИГО, система, объединенная общим центром управления, несомненно, самая крупная база данных, о которой как-то один генерал сказал: «Того, что нет в СИГО, просто не существует». Но судебной полиции страны не доставало программы и базы данных, созданных специально для определения серийных преступлений и способных объединить их по признаку *способа совершения* и по *подписи* преступников, совершивших самые жестокие из них явно в навязчивом состоянии. Не доставало и их аналогов в других странах.

До этого дня. Потому что теперь у них был ДИМАС. А ДИМАС превосходил все другие системы.

– Если придерживаться гипотезы, что речь идет об одном и том же убийце, – сказал Улисс, – то нанесение ножевых ранений или огнестрел – *это способы совершения* преступлений, которые, как известно, могут со временем изменяться по необходимости. А вот красный и зеленый цвета, супружеские пары в качестве жертв и мизансцены тел – это как бы *подпись* убийцы, которая, по твоим словам, не меняется.

– А клей?

– А клей – и то и другое сразу, – ответил Алехандро. – Он – и часть *способа совершения*, поскольку удерживает тела в

нужном положении, и в то же время часть *подписи*, поскольку положение тел и есть мизансцена...

Особенно спешить с выводами они не стали. Когда криминалист снова заговорил, он тщательно подбирал слова:

– То, что вы мне только что рассказали, означает, что ДИ-МАС и в самом деле обнаружил убийцу, возобновившего свои преступления через тридцать лет. Этот убийца изворотлив и, как и прежде, выстраивает из своих жертв некую картинку. На тридцать лет он полностью исчез из поля зрения, а затем взялся за старое, и последний удар нанес меньше года тому назад, так?

Оба студента переглянулись. Саломон внимательно на них смотрел.

– Bravo, – произнес он наконец, и голос его чуть-чуть дрожал. – Это невероятно! Мы наконец чего-то добились... Вы что-нибудь рассказывали об этом?

– Пока нет, – ответил Улисс.

– Пойдите, найдите ребят. Надо, чтобы все знали. И выпейте за это как следует нынче вечером: ваша работа того стоит!

Понедельник, вечер

Вечером туман стал еще гуще, и свет уличных фонарей смотрелся как продолжение размытых гало желтых лун, выстроившихся вдоль улиц. Ночь в Саламанке дышала древностью многих веков. Фонари, сиявшие, как драгоценные камни в витринах антикваров, мало чем отличались от тех, что освещали пассажи времен Альфонса IX Леонского в 1218 году. Зябко кутаясь в пальто, Саломон думал о тех профессорах, что ходили раньше по этим улицам, а теперь населяли кладбища. В такт своим шагам он мурлыкал вполголоса:

*«Yesterday, all my troubles seemed to far away, now it looks as they're here to stay...»*¹³

На улицах былолюдно. Главным образом полно молодежи. Главным образом, студентов, причем студентов в сильном подпитии. Если и существовал диплом, который Саламанка охотно выдавала, так это был диплом гуляки. Здесь учеба и праздник всегда хорошо ладили между собой. В свое время Саломон тоже по пьянствовал вволю.

Но это время теперь было далеко. В каждом молодом существе сидит спящий старик, подумал он. А вот наоборот бывает не очень-то часто.

Он подошел к своему дому 62/64 на улице Замора. Ста-

¹³ Первые строки из знаменитой песни Yesterday группы «Битлз».

ринное трехэтажное здание с барочным фасадом, лепными карнизами, эркерами и затейливыми балконами выглядело таким же перегруженным, как и все городские памятники. На первом этаже располагались обувной магазин и парикмахерская. На фасаде красовалась надпись «DANIA PALACE»; Саломон понятия не имел, зачем она нужна. Рядом располагалось кафе под названием «Колониальное» (кофе-закуски-ликеры). В это кафе он любил заходить по утрам, к открытию, хотя и имел некоторые сомнения по поводу происхождения его названия.

Саломон жил на последнем этаже. Свою квартиру в триста квадратных метров он приобрел в те времена, когда недвижимость еще не стала всеобщим безумием. Предыдущий владелец повесился на люстре через два дня после того, как его супругу в почтенном возрасте ста трех лет унес в мир иной рак. Однако Саломон рассудил, что это хорошее предзнаменование: повесившийся старик и сам дожил до девяноста семи лет, а потому вполне резонно решил, что хватит, зажился он на этом свете. С другой стороны, криминолог, штудирующий древнеримских и греческих философов, усмотрел в этом поступке то, что он назвал «философским самоубийством».

Саломон отпер замок входной двери.

Любой, кто входил в эту квартиру, сразу ощущал себя в окружении книг. Книги сплошь покрывали стены коридора, трех гостиных и спальни; книжные полки были оборудова-

ны даже над дверями. Книги с темными кожаными корешками тускло поблескивали в полумраке золотом обзоров и названий, а более светлые корешки пожелтели от времени. Поэзия, философия, театр, книги по искусству. Кроме того, здесь стояли 193 романа и 158 повестей Сименона, 66 романов Агаты Кристи и 17 знаменитых приключенческих романов Мануэля Васкеса Монтальбана¹⁴ о гастрономе и детективе Пепе Карвальо. Плюс десять томов его «Карвальо – гастронома»¹⁵ вместе с «Безнравственными рецептами».

Саломон зажег лампу под абажуром, стоявшую на круглом одноногом столике. Сняв ботинки, влез в домашние шлепанцы и вошел, а точнее, въехал на шлепанцах в первую гостиную, самую большую. Направо из нее вела дверь в гостевую комнату.

Потолок с кессонами был невиданной высоты; лампы располагались таким образом, чтобы бóльшая часть комнаты пребывала в полумраке, а пятна света были строго отделены друг от друга: возле кресла, где он читал, возле канапе, где он смотрел телевизор, возле буфета, где стояли бутылки и стаканы. Саломону нравились тень и полумрак. Темнота его не пугала, как не пугали и ночные кошмары. Смерти он уже

---

¹⁴ Мануэль Васкес Монтальбан (1939–2003) – испанский писатель, поэт, журналист, автор серии знаменитых романов о детективе и гастрономе Пепе Карвальо.

¹⁵ В Испании существует сеть ресторанов, которая называется «Гастрономический путь Карвальо». Эти рестораны любил посещать Монтальбан, и все они упоминаются в его романах о Пепе Карвальо.

однажды поглядел прямо в лицо. Смерти самого дорогого, самого любимого существа. Надо сказать, лицо это отличалось редкостным уродством. Однако, когда настанет его час, он встретит смерть с тем же стоицизмом, что и Бегонья.

Саломон подошел к буфету, где стояла большая фотография в серебряной рамке.

– Сегодня у меня был действительно интересный день, Бегонья, – сказал он, обращаясь к фотографии. – Ты даже себе не представляешь, на что способны эти мальчишки. Я полагаю, что сделал очень удачный выбор, формируя свою группу. Это блестящие парни.

Он открыл массивный графин из граненого хрусталя, стоявший возле портрета, и плеснул коньяка себе в стакан.

– И ДИМАС наконец-то начал выдавать результаты. Можешь мной гордиться, Бегонья.

Он отпил глоток, почувствовал, как по горлу разливается тепло, и снова взглянул на фотографию.

Why she had to go I don't know she wouldn't say, I say something wrong, now I long for yesterday.

«Yesterday»... «Вчера»... Любимая песня Бегоньи. Она не была интеллектуалкой, она была простой женщиной. Как же так случилось, что она покинула его на пороге старости? Неужели эта проклятая болезнь не могла забрать кого-нибудь другого?

Саломон наклонился, взял виниловую пластинку из ряда стоящих прямо на паркетном полу, вытащил ее из конверта

и поставил на «вертушку».

Зазвучала музыка. Струнный квинтет Боккерини. Сначала вступили скрипки, легкие, как трепет крыльев бабочки. Потом более низкий, глубокий и земной голос виолончели. Саломон подошел к окну. Красноватый отсвет городских огней, преломляясь в тумане, просачивался сквозь плотные шторы. Вдруг по телу у него прошла дрожь, словно волна по поверхности воды.

ДИМАС.

Он что-то обнаружил. Он выгнал из норы убийцу, заставил его выйти из прошлого, из путаницы нераскрытых преступлений. И пустил по его следу студентов, как свору молодых собак.

Охота началась...

Часть III

Саломон и Лусия

10

Вечер понедельника

Настала полночь. Время ночного обхода. Ночь выдалась спокойная. Тихая. Пока...

Случались и вовсе inferнальные ночки. Когда отовсюду доносился грохот и крики, когда камеры задержанных напоминали вулканы во время извержения, и атмосфера стояла такая накаленная, что заснуть не выходило ни на секунду.

Но в эту ночь ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не заснуть. Охране велели глаз не спускать с вновь поступившего. С того белобрысого, что был похож на его сына. Он вспомнил, как однажды обнаружил у мальчишки наркотик, спрятанный под одеждой в шкафу. Последовала длинная и горькая беседа, а потом он побил парня, и тот ушел. Конечно, не надо было распускать руки. Сын тогда бросил ему в лицо: «Ненавижу тебя! И презираю! Ты всего лишь кусок дерьма! Дрянной фашист на службе у властей!»

Эта ссора не шла у него из головы. И слова сына тоже. Это было сильнее его. Проходя мимо камеры белобрысого парня,

он услышал за металлической дверью:

– Не убивай его, Рикардо.

Голос был женский... Он совершенно точно знал, что за дверью нет никакой женщины, и женскому голосу кто-то здорово подражал. Он прислушался.

– Я должен его наказать, Марта, – ответил низкий, звучный голос, от которого он вздрогнул. – Он не должен больше заговорить.

Третий голос звучал почти сразу, все время срываясь с фальцета на хриплый стон:

– Не убивай меня, умоляю тебя, Рикардо!

Охранник потряс головой. Черт возьми, ну и кавардак же в голове у белобрысого! Ну зато новенький не рискует соскучиться: вон у него сколько собеседников... И тут он вспомнил об инструкции глаз с него не спускать. Все камеры были снабжены системой слежения с экранами на контрольном посту. Условие содержания белобрысого было яснее ясного: «Максимальное внимание, есть угроза суицида». Но какой там суицид? Каким образом? У него же все отобрали, как обычно: шнурки, ремень, часы, зажигалку... Да еще и обыскали как следует.

Охранник отошел от камеры.

– Я должен его убить, – проговорил низкий мужской голос у него за спиной.

Ну, валяй, дружище, продолжай бредить дальше...

Тут хочешь не хочешь, а вздрогнешь.

Вечер понедельника

Адриан провел кончиком указательного пальца по ее татуировкам. Двенадцатисантиметровая черепушка, *калавера*, которую она вытатуировала себе на левом бицепсе во время отпуска в Мексике; роза с окровавленными шипами возле лобка; парочка, танцующая танго, на икре; компас со стрелкой N, указывающей на сердце, на левой груди и еще куча каких-то фраз, чисел, звезд и непонятных символов...

– Ну просто открытая книга, – произнес он, лежа рядышком с подругой.

– Неплохая мысль...

– *Книга твоей жизни...*

Этот комментарий он отпускал каждый раз, когда они занимались любовью. Адриан Санс был человеком рассудочного склада ума. Ему нравилось все анализировать. И он знал, что каждая татуировка на ее теле связана с каким-то определенным событием – неважно, радостным или печальным. И с каким-то определенным местом.

– М-м-м... – промычала она, проводя ладонью по груди Адриана. Грудь слегка вспотела. Вот она, Лусия, никогда не потела, даже когда тягала сорокакилограммовую штангу в лежачем жиме в спортзале ЦОП. Так уж у нее устроены железы: это называется *гипогидроз*.

Ей говорили, что это может быть опасно. Интересно, а по шкале от одного до пяти, где единица – это тот, кто никогда не выходит из себя, а пятерка – тот, кто служит в Гражданской гвардии и уже трижды смотрел в дуло пистолета, каков будет уровень опасности? Врач на этот вопрос ответить не сумел.

– У тебя полно татуировок на икрах и ступнях, но ни одной на руках или затылке, – заметил Адриан.

– Там нельзя.

– А вот здесь? – сказал он, перевернув ее на живот, чтобы погладить по спине. – Расскажи об этом рисунке.

Татуировка на спине была большая, от лопаток до самого крестца. Длинный силуэт, просто контур человека, раскинувшего руки, словно на кресте. Однако на Христа он похож не был. Точнее, *это был ее Христос*. Рафаэль. Навсегда вросший в ее кожу. Пока жива, она будет хранить на себе его силуэт. Это самая первая ее татуировка, сделанная, когда ей было восемнадцать. Через несколько недель *после...*

Лусия напряглась и встала. Она не любила об этом говорить.

– И когда же ты познакомишь меня с твоим мальчуганом?

– Дай мне время.

– Время?

Адриан откинулся на подушки, скрестив руки.

– Лусия, сколько мы с тобой уже вместе? Сколько месяцев? Одиннадцать? Двенадцать? Эй, ты куда?

– В душ.

– Уже уходишь?

Вместо ответа она прошла в ванную комнату рядом со спальней и встала под душ в роскошной черной душевой кабине, где струи воды меняли цвет, освещенные разными лампами. «Умный» экран LCD, ванна, джакузи, сауна и хаммам в одном флаконе. Просто космическая аппаратура. И на фига ему такая роскошь, если он залетает в эту кабину буквально на несколько секунд, чтобы только освежиться?

– Слушай, знаешь что, ты меня уже достала! – крикнул он с кровати.

Лусия улыбнулась. Адриан отходил от своей отточенной манеры выражаться, только когда злился. Она была уверена, что, перед тем как одеться, он нацепил на нос очки. Иногда Лусия думала, что очки – его защита, они охраняют его от внешнего мира, и Адриан Санс за ними просто прячется. Когда он снимал их, лицо у него становилось каким-то неприятно голым.

Познакомились они на службе, как и миллионы других людей. Ее отдел расследовал тогда кражу, которая плохо кончилась: два трупа и похищенные ценные картины. Она связалась с группой исторического наследия, где работал Адриан, и тот пригласил ее к ним в отдел. У них на двери висела репродукция «Джоконды», которая весело подмигивала. Изучая документы, найденные на месте преступления и относившиеся к украденным картинам, Адриан говорил о скуп-

щиках краденого, о перепродаже с ее схемами и оборотами, о галереях. Он был очарователен и прекрасно знал свое дело. Ей тут же захотелось стащить с него очки и поцеловать. Но она дождалась вечера, позвонила ему и пригласила пропустить по стаканчику.

Сейчас под душем у нее перед глазами возник другой образ.

Они с Серхио занимались любовью на заднем сиденье машины, которой обычно пользовались для слежки. На этот раз они наблюдали за складом в промзоне Сан-Канилехас на северо-востоке Мадрида. Мускулистые плечи Серхио выглядывали из рубашки, которую она царапала ногтями, сидя на нем верхом, его пальцы лежали на ее грудях с напряженными сосками, а вздыбившийся твердый член погружался в нее всякий раз, когда она сгибалась колени. Возбуждение увеличивалось, потому что Лусия сознавала запретность и предосудительность того, что они делали, – во-первых, потому, что сидели в засаде, а во-вторых, потому, что хорошо знала и ценила Лизу, жену Серхио. Но неистовое желание сметало с пути все принципы. Для них ничего не существовало: ни морали, ни правил, ни законов. Только это всепоглощающее пламя...

Лусия на секунду застыла, положив руку на переключатель душа. На нее накатило чувство вины.

Спустя пятнадцать минут, сидя за рулем своего «Хёндэ Туксон», она ехала записаться провизией в круглосуточный

магазин на улице Альберто Агилера. Она дрожала от холода в тонкой кожаной куртке и хлопковом худи с капюшоном. Плюс три градуса на улице. Времени 23:47, и ей оставалось всего четыре часа сна до утренней летучки перед штурмом. Ведь Пенья наконец признал, что братья Лозано могут быть подозреваемыми в убийстве Серхио, достойными того, чтобы пустить в ход отряд спецназа.

Штурм должен был состояться перед рассветом, когда внимание хищников ослабеет. Нет, не внимание волков или тигров. Внимание шакалов, гиен и бродячих псов. К ним она не испытывала никаких особенных чувств. Есть враг, и есть война. Лусия Герреро – это Лусия Воительница.

* * *

Через двадцать минут она по возможности бесшумно вставила ключ в дверь соседней с ней квартиры, стараясь не уронить покупки.

– И ты являешься в такой час?

Лусия прошла в маленькую гостиную и повернулась к женщине с изможденным лицом и нечесаными седыми волосами, сидевшей на диване перед включенным телевизором. На ней был домашний халат из мольтона, толстый свитер и поношенные, но удобные джинсы. Вокруг нее громоздилась гора из подушек и одеял, из-под которой она, наверное, вылезала только чтобы отправиться в туалет. Конечно, она уже

состарилась. Но в чертах ее лица еще оставалось что-то от той властной, высокомерной и негибавшей женщины, какой она была когда-то. От той женщины, что жила с ее отцом, скоропостижно сошедшим со сцены в пятьдесят девять лет от сердечного приступа.

– У меня были важные дела, мама.

– Ты не забыла, что в субботу Альваро у тебя?

– Нет, мама, не забыла.

Она забирала сына на выходные раз в две недели. Так решила судья, женщина лет тридцати, у которой не было детей, – Лусия узнавала.

У ее матери был один интерес во вдовьей жизни: внуки. Она забывала все больше вещей, но только не тех, что касались Альваро.

– Звонил Самуэль, – сказала мать. – Он хотел с тобой поговорить, но не мог тебя застать. Думаю, у Альваро что-то случилось в школе.

Что-то случилось? Как это понимать? Самуэль – ее бывший муж, директор страхового агентства. По всей очевидности, его ремесло было более правомочно в глазах судьи, чем ремесло офицера судебной полиции Гражданской гвардии. Лусия заглянула в телефон: действительно, два непринятых вызова от бывшего мужа.

– Я ему завтра позвоню, – сказала она, направляясь на кухню, чтобы выложить в холодильник фрукты, овощи, йогурты, сыр и рыбу.

– Самуэль сказал, что пытался дважды дозвониться до тебя по мобильнику, – не унималась мать.

К дверце холодильника магнитами был прикреплен прошлогодний календарь, а календаря на этот год нигде видно не было. Лусия почувствовала раздражение: ну почему Самуэль, если не получилось дозвониться до нее, сразу звонит матери?

– Вполне возможно. Мама, я не отвечаю на частные звонки, когда нахожусь, – она чуть не сказала «на допросе», – на работе.

– Ну да. Давно известно, что у тебя сначала работа, а потом *все остальное*, – комментировала мать из соседней комнаты.

Выходя из кухни, Лусия заметила на стене фото Рафаэля. Ему на этой фотографии лет пятнадцать-шестнадцать. Он очень высокий для своего возраста... Очень высокий и тонкий... Рост метр восемьдесят восемь, а вес всего семьдесят четыре килограмма...

– Спокойной ночи, мама, – сказала она, разложив еду в холодильнике и направляясь к выходу.

Ей никто не ответил.

Да и слышали ли ее? Слух у матери заметно слабел. И она становилась все менее и менее чистоплотной. В квартире скверно пахло. Сестра Моника считала, что мать постепенно сходит с ума, и хотела ее поместить в дом престарелых. Она объясняла, что такая нагрузка слишком велика *для них*, хотя

всем занималась Лусия, а Моника, обитая в просторном, в четыреста квадратных метров, доме мужа, пилота международных авиалиний, который очень хорошо зарабатывал, целыми днями не знала, куда себя девать. Каждый раз, когда они заводили об этом речь, дело кончалось взаимными обвинениями и упреками. Моника рано вышла замуж за летчика-истребителя ВВС и, видимо, не имела понятия, что такое реальная жизнь, в которой люди с утра до ночи выбиваются из сил, чтобы заработать более-менее приличную сумму, и у них все равно не хватает денег, чтобы определить детей в хорошую школу. Лусия вспомнила, что когда племянники были маленькие, их отвозила и забирала из школы домработница Консуэла.

Так, значит, Самуэль дважды пытался дозвониться? Ее вдруг охватила тревога. Она вошла в квартиру, зажгла свет, заперла за собой три замка и, не разуваясь, отправилась к холодильнику. Там было почти пусто. Лусия взяла с дверцы бутылку сладкого питья, обогащенного кальцием, магнием и витамином В1, отпила глоток и набрала номер.

– О господи, ты на часы смотришь? – крикнул бывший муж.

– Извини. Я сегодня задержалась. Что случилось у Альваро?

– Давай поговорим об этом завтра, Лусия, – проговорил он усталым и снисходительным голосом. – Я уже сплю...

– Я надеюсь, ничего серьезного?

– По шкале от одного до пяти? – поддразнил он, напомнив ее привычную формулу, перед тем как отсоединиться.

Придурок! Лусия вернулась к холодильнику, достала оттуда тарелку и сунула в микроволновку. Потом быстро, в четыре глотка, опустошила ее и поставила в раковину. Не так уж и мерзко на вкус. Вымыв руки, она двинулась в спальню, по дороге заглянув в комнату Альваро. Постеры знаменитостей, которых она не знала; постельное белье с принтом «Звездные войны. Мандалорец»; все серии «Гарри Поттера», начиная с «Философского камня» и кончая «Дарами смерти»; серия романов Филипа Пулмана на планшете, лежащем на столе; звездное небо на потолке – она сама рисовала.

Лусия погасила свет.

Она насчитала меньше двадцати ночей, которые Альваро провел в этой комнате. И не потому, что ей положено забирать его только на одни выходные из двух, а еще и потому, что приходилось отменять «свои» выходные из-за работы.

В ванной Лусия открыла шкафчик с лекарствами, приняла таблетку бускапины от болей в желудке и почистила зубы щеткой и зубной нитью.

Дойдя до спальни, она в темноте сбросила кроссовки и стянула с себя кожаную куртку. Единственным освещением оставался свет, проникавший из ванной. Она, не раздеваясь, навзничь рухнула на кровать, протерла глаза и зевнула, глядя в потолок. И тут ее левая нога начала произвольно подергиваться, словно была независимым приложением к телу,

которое Лусия абсолютно не контролировала.

Через три секунды она уже спала.

Утро вторника

6:21. Большое металлическое насекомое скользило над бетонными башнями и квадратами жилых кварталов, взбивая лопастями винта золотистую жидкость, струившуюся из облаков.

Мадрид. Квартал Вильяверде. Солнце взойдет только через час.

Сосредоточившись, двенадцать человек спецгруппы захвата заканчивали проверять свой инвентарь. Один осматривал наколенники, другой надевал на плечи тяжелый бронезилет для боев в городе, с торчащей из-за спины антенной передатчика и прикрепленными под нагрудником гранатами со слезоточивым газом. Третий, перед тем как надеть шлем с забралом, засовывал наушники под шерстяной подшлемник. Все они в этой нелепой экипировке с торчащими антеннами были похожи на больших черных скарабеев.

– Эй, Альберто! Это тебе поручено посадить меня под задницу?

– Ага, – отозвался Альберто. – Только я предпочел бы другую задницу.

Все перешучивались, стараясь сбросить напряжение. Хотя, в сущности, они обожали это состояние: адреналин, напряжение, опасность... Они получали не такую уж высокую

зарплату, если учесть сопутствующие риски. Некоторые из них сравнивали себя с футболистами и представляли себе, что сидят на матче «Атлетико» с «Реалом». Пнешь ногой по мячу – и уже купаешься в золоте. А еще бывает, что какой-нибудь сообразительный хитрец за один день зарабатывает миллион на биткойнах...

Но они знали, что, по крайней мере, одно объединяет их с парнями из футбольных клубов: они раз от разу участвуют в чем-то очень хорошем, в самом лучшем. Они и есть самые лучшие.

Их оружие поблескивало в тусклом утреннем свете. Пистолеты «Глок-17», штурмовые винтовки «Хеклер и Кох G36К», винтовки с высокой точностью прицела калибра 7.62. В сравнении с тем, чем обычно располагали лучшие подразделения, этот инвентарь был что надо!

– Пора, ребята.

Клацнули затворы. Штурмовой отряд, разбившись на маленькие группы, двинулся к семиэтажному жилому дому. Первыми в здание вошли гуськом две группы из шести. Они быстро и бесшумно взобрались по пожарной лестнице, минуя один пролет за другим. Заняли последний этаж.

В коридорах стояла тишина, какая порой царит в пригородах, где живут рабочие, измотанные после смены. А потом явились парни, которые вообще не знают ни усталости, ни законов, и превратили эту территорию в поле для своих игр. На этом этаже не обитали рабочие. Его целиком скупип-

ли братья Лозано со своей шайкой. Здесь жили их охранники, их приближенные, семьи и дети.

Последняя дверь в конце коридора вела в комнату неразлучных братьев. Они не расставались почти никогда, и один из них мгновенно возникал, если надо было прикрыть задницу другого.

Членам специального отряда во время совещания показали фото братьев. Но это было лишнее: их и так все хорошо знали. Морды как у выючных животных, взгляд холодный и жадный. На этих мордах читалась постоянная готовность запугать или вообще уничтожить конкурентов деяниями неслыханной жестокости.

Боевое задание могло вмиг стать ловушкой, ибо теоретически за закрытыми дверями все спали, но в любой момент эти двери могли открыться, и всю группу перестреляли бы, как кроликов.

Штурмовики перевели дыхание и обменялись знаками. Тишина стояла мертвая. Они так же бесшумно пробежали вдоль коридора и собрались возле последней двери. Слева первая шестерка, опустившись на колени, затаилась за пуленепробиваемыми щитами. Справа вторая шестерка нацелила на дверь пневматический таран. Остальные, подняв оружие, ринулись к двери под прикрытием с тыла.

Командир группы подал знак, и дверь снесли с петель.

– Гражданская гвардия! Гражданская гвардия! – оглушительно кричали штурмовики, врываясь в квартиру и перебу-

див весь дом. Из дверей голышом или в кальсонах повыскакивали люди. За мужчинами – сонные женщины и дети. Это к лучшему. Дети – хорошая новость. По крайней мере, ни в кого не надо будет стрелять.

Под оглушительную брань и оскорбления жен братьев Лозано вытащили прямо из постелей с шелковым бельем. В изголовье одной из кроватей висела картина три на два метра, на которой красовался бенгальский тигр в джунглях. Его блестящая шерсть была выписана с фотографической точностью, как и окружающая зверя листва. Вид у животного был спокойный, могущественный и благородный. Не то что у самих Лозано и их свиты. Зеркала в золоченых рамах отражали возникший хаос, повсюду слышались крики.

– Да что вам, черт побери, от меня нужно? – орал Нано Лозано, послушно давая себя арестовать: ему вовсе не хотелось, чтобы ему переломали руки.

– Привет, Нано, – сказала Лусия, когда его вывели из квартиры.

– О, надо же! – отозвался тот, словно был рад ее видеть. – Воительница собственной персоной! С чего это меня удостоили чести и нанесли столь ранний визит?

По нему не было видно, чтобы он забеспокоился. В распоряжении братьев была целая армия адвокатов, и им уже не раз удавалось выскользнуть из рук полицейских – руки у тех были коротковаты.

Лусия собралась что-то ответить, но тут не то у нее, не то

рядом раздалась вибрация телефона. Она обшарила одежду, ощупала поношенные джинсы. В отличие от бойцов группы захвата, которые носили пуленепробиваемые жилеты поверх зеленых комбинезонов, ее более тонкий жилет умещался под свитером.

Сначала ей показалось, что завибрировала рация, но потом она поняла, что это мобильник, поставленный на режим вибрации.

– Герреро слушает, – сказала она.

– Лейтенант, вам надлежит явиться тотчас же.

Утро вторника

Было еще холодно, но солнце уже начинало пригревать, когда Лусия припарковалась у здания Гражданской гвардии в Трес-Кантос, квартале на северо-западе Мадрида, выстроенном пятьдесят лет назад. В свете яркого осеннего солнца мрачные очертания домов обрели почти веселый вид.

Зайдя внутрь здания, она сориентировалась. В Трес-Кантос располагалась единственная в окрестностях Мадрида казарма¹⁶ с камерами для задержанных. Их было около пятидесяти, все снабжены металлическими дверями с глазками, и в них было налажено безотрывное наблюдение за задержанными.

Лусия подошла к застекленной будке, где сидели охранники.

– Габриэль Шварц, – заявила она, доставая пропуск, и увидела, как застыли лица охранников.

– Пойдемте, – сказал один из них.

Лусия пошла за ним следом. Их дожидался еще один охранник, и вид у него был как у ребенка, пойманного на шалости. Но руки его выдавали: они висели вдоль туловища, и он непрерывно то сжимал, то разжимал кулаки, совсем

---

¹⁶ Согласно уставу Гражданской гвардии, гвардейцы имеют право проживать только в казармах; ни снять, ни купить себе жилье они не могут.

как Лусия в спортзале. На форме охранника она заметила несколько пятен крови.

– Это я вам звонил, – сказал он. – Я дежурил сегодня ночью. Вы приехали вовремя. Они собрались его увезти. Ваш коллега уже там...

Она пошла следом за ним. В коридоре стоял оживленный шум. В последней камере была открыта дверь, и горел свет. Охранник подвинулся, чтобы дать ей пройти. Лусия почти строевым шагом переступила через порог. В камере не было даже туалета: только кровать и умывальник.

Внутри Ариас и врач стояли по бокам носилок, где был распростерт белобрысый.

Услышав звук ее шагов, Ариас мрачно уставился на нее своими косящими глазами. Лусия почувствовала, как внутри нее быстро нарастает нервное напряжение. Ей показалось, что время замедлилось и деформировалось. Глаза Габриэля Шварца были закрыты, как у мирно спящего человека, нижнюю половину лица скрывала кислородная маска. Она подошла ближе, не в силах отвести глаз от этого посиневшего лица. Сквозь маску были видны потеки полузапекшейся крови из носа и рта.

Рубашка его была расстегнута и запачкана кровью, сквозь запахнутый ворот виднелись прикрепленные к груди электроды, а под ними – гематомы на уровне ребер. К носилкам была прикреплена стойка капельницы. Врач махнул рукой двум санитарам, готовым вынести носилки, и те вышли в ко-

ридор.

– Что здесь произошло? – спросила Лусия. – Кто с ним такое сотворил?

Сердце у нее отчаянно билось.

– Он сам нанес себе все эти повреждения, – сказал врач, не спуская глаз с лежащего на носилках Габриэля Шварца.

Перед тем как он вышел, Лусия удержала его за руки.

– Как это случилось?

Она заметила, что он покосился на ее руку, лежавшую у него на рукаве, и отпустила его.

– Спонтанное кровотечение, – ответил он. – Массивная кровопотеря. Быстрый ПТ вызывает тревогу.

– Что-что?

– ПТ – это протромбиновый тест, проще говоря, проба крови на свертываемость, которая оценивает уровень протромбина и факторы коагуляции VII, X, V, II. Он страдает недостатком витамина К, повлекшим за собой значительное падение показателей фактора коагуляции. Я подозреваю, что он проглотил изрядную дозу ратицида¹⁷.

– *Ратицида?* – в смятении переспросила Лусия.

Врач кивнул.

– Да. Мадридский центр борьбы с отравлениями ежегодно получает десятки вызовов по случаям отравления зооцидами, средствами против грызунов. В большинстве случаев это происходит с детьми, но бывает, что и со взрослыми. И в

---

¹⁷ Ратицид – крысиный яд.

двадцати процентах случаев у взрослых это связано с намеренным поглощением яда.

– То есть вы хотите сказать, что это была попытка самоубийства? Но его ведь тщательно обыскали и приставили к нему постоянную охрану! Он не мог ничего проглотить в течение последних нескольких часов, доктор.

Врач покачал головой.

– Такие нарушения в протромбиновом тесте, которые мы наблюдаем здесь, происходят между тридцать шестым и шестьдесят пятым часом после приема внутрь. Иными словами, клинические проявления появляются со второго по четвертый день. По всей видимости, гемофилия, которой он страдал, ускорила процесс, но в любом случае он проглотил яд раньше, чем его задержали.

«Черт... Чашка! – подумала она. – Либо он сам ее выпил, либо его заставили».

– Как он себя чувствует?

Врач поморщился.

– В этом плане я пессимист. Он в коме, и его жизненные показатели очень плохи. У него, несомненно, сильное субарахноидальное внутричерепное кровоизлияние, то есть кровь между черепной коробкой и мозгом, к тому же желудочно-кишечное и легочное кровотечения, которые привели к гипоксии, то есть к нехватке кислорода и к дыхательной недостаточности... Мы делаем все возможное, но я не знаю, доедет ли он живым до больницы.

– Спасибо, доктор.

Лусия проводила врача взглядом. Стоящий с ней рядом Ариас побледнел до синевы.

* * *

Они наблюдали за происшедшим по видеозаписи с камеры слежения. Сначала отравление проявилось как слабое носовое кровотечение. Потом Шварц начал кашлять кровью. Наконец, она просто хлынула у него изо рта и потекла по подбородку и одежде, словно его рвало кровью.

Тут дверь в камеру распахнулась, и туда влетели двое охранников.

– Как только мы увидели, что у него кровь, сразу примчались, – объяснял тот, что сидел перед экраном.

На видео охранники склонились над Габриэлем Шварцем, у которого начались судороги. Один из них схватил рацию и вызвал помощь.

Тем временем тело Габриэля Шварца выгнулось дугой, словно он получил серию электрических разрядов. Охранники стояли перед ним в полной беспомощности. Кровь у него текла отовсюду: из носа, изо рта, из глаз и ушей. А потом все мышцы резко расслабились, и он затих, неподвижно распластавшись на кровати.

– Я хочу увидеть, что было до этого, – сказала Лусия.

Охранник отмотал пленку назад.

– Похоже, он разговаривает сам с собой, – заметил Ариас.

Звука не было, только изображение. Тут наблюдавший за Габриэлем кашлянул. Все обернулись к нему.

– Когда я проходил мимо его камеры, он... он говорил женским голосом. Потом мужским. А потом еще каким-то другим.

– И что он говорил?

– Что он должен кого-то убить... Женский голос умолял какого-то Рикардо не делать этого... я хочу сказать, не убивать его.

– О господи! – выдохнул Ариас.

– Смотрите-ка, – сказал Пенья.

Габриэль на экране приблизился к камере, поднял голову и, пристально глядя в объектив, заговорил. *Заговорил с нами.* Движения его губ были очень четкими и различимыми.

– Похоже, он произносит буквы...

– Отойдите-ка назад, – приказала Лусия.

Все по очереди отступили.

– Да, так и есть! Сначала Л, – сказал Ариас. – Или Н...

– А теперь У или О, – добавил Пенья.

– Теперь С, – подал голос Ариас.

– И, – подхватил его патрон.

– Дальше Я...

Лусия молчала. С тех пор как она села перед камерой, ее левая нога непрерывно конвульсивно дергалась под самым экраном, стоящим на столе. Все разом повернулись к ней.

Л
У
С
И
Я

«Лусия»... Она вздрогнула. Это было последнее слово, которое Габриэль Шварц сказал, перед тем как покинуть этот мир. Мнение врача о его шансах выжить было пессимистичным. И Лусия поняла, что неизвестное невидимое существо, дергавшее Шварца, как марионетку за ниточки, обращалось к ней «с той стороны», по ту сторону смерти, посылая ей немое послание. И это послание было «ОТТУДА».

Утро вторника

Пресс-конференция началась в 11 часов в битком набитом зале. Не всякий день пресса получает на растерзание убийцу, страдающего диссоциативным расстройством психики, да еще если его жертвой становится служащий Гражданской гвардии...

Уже ближе к вечеру, когда многие темы были исчерпаны, информационные каналы пригласили на свои телеплатформы всех психиатров Мадрида, которых время от времени приглашали для консультации в суды. Их мнения, высказанные с добродушной снисходительностью специалистов по отношению к профанам, заметно противоречили друг другу. Однако всем известно, что психиатрия – это вам не физика, и она вполне допускает некоторые расхождения во мнениях и точках зрения.

В то утро с одной стороны присутствовали около тридцати журналистов, регулярно посещающих полицейские комиссариаты и суды, вместе с непривычным количеством портативных видеокамер «Панасоник AG-HPX500» и «AG-HPG20», стандартной аппаратурой для испанского телевидения. С другой стороны длинного стола перед микрофонами сидели Пенья и руководительница Центрального оперативного подразделения полковник Пилар Молина Маркос – высокая

угловатая женщина, начисто лишенная и чувства юмора, и обаяния. Зато она была крепким организатором, фанатично преданным делу Гражданской гвардии.

Лусия держалась в стороне. Ее не просили выступать на публике. Не то чтобы она боялась. Но ей не свойственно было делать вид, что расследование идет, когда оно завязло, и она не привыкла называть успехами неудачи, как это делали деятели средств массовой информации. Она могла высказаться слишком ясно и искренне. Слишком прямо и слишком... агрессивно. Как с той зеленоглазой блондинкой, с журналисткой, которая сразу же поинтересовалась, как же это подозреваемый смог уйти от постоянного наблюдения и покончить с собой.

– Причина проста: он выпил крысиный яд еще до того, как его задержали, и в результате захлебнулся собственной кровью, – ответила Лусия, отчего смазливая мордашка журналистки приобрела оттенок скисшего молока.

Впрочем, такие вещи, наверное, не следует говорить на пресс-конференции. Ну хотя бы не в такой форме.

Ее поразило другое: необычное внимание журналистов. Они явно почуяли запах крови. Уловили нестандартную историю, которая заставит читателей и слушателей затаить дыхание на целые недели, а может, и месяцы.

– Известны ли точные причины смерти сержанта Морейры? – спросил другой журналист.

– Вскрытие показало, что его сначала оглушили. На го-

лове остались следы того, что судебные медики называют «предварительной анестезией Бруарделя»: углубление в затылочной кости и в задней части теменной, что говорит о сильном ударе, видимо, с целью либо оглушить жертву, либо убить ее. Удар спровоцировал черепно-мозговую травму с последующим кровоизлиянием. Это подтверждает нашу гипотезу, что сержант Морейра был атакован неожиданно, врасплох, и точно так же он получил колющий удар в область сердца.

– И был распят, – раздался чей-то голос.

– С точки зрения техники это нельзя назвать распятием, – уточнила полковник Пилар Молина Маркос. – Но он действительно был приклеен к кресту.

– Получается, что один из ваших сержантов убит и распят, а главный подозреваемый через несколько часов покончил с собой в камере, так? – подала голос блондинка-воображала.

Ответа не последовало.

– Говорят, что сегодня рано утром Гражданская гвардия произвела операцию в Вильяверде, – крикнул хроникер из «Эль Паис». – Имеет ли операция какое-то отношение к гибели сержанта Морейры?

– Именно это мы и пытаемся установить, – ответил Пенья.

– То есть вы хотите сказать, что в вашей тюремной камере покончил с собой невинный человек?

Опять та же девчонка... Она еще новичок, но уже прекрасно понимает, что лучший способ заставить о себе заго-

ворить – это распространить как можно больше слухов. И Лусия увидела ее, какая она есть, без прикрас: молодую, амбициозную и циничную, самодостаточную и эгоцентричную. Сначала карьера, а вся этика потом. Сначала имидж и самолюбие, а уж потом компетентность.

Лусия уже видела набранный крупным шрифтом заголовок: «НЕВИННЫЙ КОНЧАЕТ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ ПОД ДАВЛЕНИЕМ ЦОП».

– Да ничего подобного, – ответил Пенья, задетый за живое. – Его нашли возле тела, на нем была кровь жертвы, и он признался в преступлении.

– Но у вас нет точных доказательств? – раздался еще чей-то голос.

– Как можно всерьез принимать признание человека, страдающего диссоциативным расстройством психики? – снова вступила молодая журналистка. – А его показывали психиатру? Это вообще принято в ЦОП?

– На что вы намекаете? – возмутилась полковник Маркос, буквально испепелив нахалку взглядом.

Лусия встала с места. Ну хватит, уже наслушалась. Она вышла, заглянула в туалет и плеснула себе в лицо холодной водой. Опираясь руками на бортик раковины, подумала о Серхио. Несколько недель назад он говорил ей, что хочет уйти из отдела, пока эта работа окончательно не исказила его представление о мире. У каждого сыщика есть свой предел. Он сталкивался с мужьями, насмерть забившими сво-

их жен; расследовал дело о том, как жена долго и тщательно вместе с любовником замышляла и разрабатывала якобы случайную гибель мужа. Он задерживал торговцев, торговавших чем угодно, лишь бы была выручка; он имел дело с начинающими террористами, у которых основной идеей было перебить как можно больше народу, ибо они верили, что так желает их Бог. Ему приходилось общаться с сутенерами, за деньги и наркотики поставлявшими подростков на потребу тех, кого общество считало личностями мерзкими и опустившимися. Теперь пришла пора покончить со всем этим. Он не хотел, чтобы его дети росли, имея перед глазами такие образы, и собирался найти какую-нибудь безопасную работу в провинции, где мог бы спокойно дожидаться пенсии, изображая из себя старого волокиту.

Но времени на это ему отпущено не было...

Утро вторника

– Мы собрались здесь, чтобы изучать различные криминологические теории, – заявил Саломон, находясь в двухстах километрах от Мадрида. – Позвольте мне сообщить вам одну приятную новость: *все теории, которым вас обучали в этом месте, никуда не годятся.*

Он обвел глазами зал, который отличался от обычного амфитеатра лекториев, хоть и плавно нисходил к помосту, где стоял лектор. Точно такой же зал, как и в Мадриде, где в этот момент шла пресс-конференция. И точно так же зал в помещении юридического факультета в Саламанке был набит битком. Такие лекции студенты никогда не пропускали. Все взгляды были направлены на Саломона, и все они выражали одно: «Ну, давайте, профессор, поразите нас, покажите нам, что вы действительно такой блестящий ученый, как о вас говорят».

– Криминалистических теорий существует множество, – продолжил он. – И в особенности изрядное количество теорий социологических. Многие из моих братьев просто зачарованы ими... Хотя не исключено, что они просто слишком ленивы, чтобы искать что-то другое.

В зале раздались смешки.

– Существуют, к примеру, теории, которые утверждают,

что не отклонения от норм поведения провоцируют социальный контроль, а, наоборот, социальный контроль провоцирует девиантное поведение. Существуют и такие, что ставят во главу угла исключительно соображения безопасности. Есть теории доминантные, так сказать мейнстрим, и есть второстепенные. На самом деле их слишком много... И я еще раз повторяю, что все эти теории ошибочны. Почему? А вот почему: во-первых, у них слишком общий взгляд на вещи, чтобы вникать во все оттенки специфики преступлений. Во-вторых, большинство из них, если не все, часто базируются на предрассудках и идеологических постулатах, и очень редко – на научно обоснованных наблюдениях.

Он обвел глазами аудиторию.

– Сегодня и сейчас нас будет интересовать *реальность*. *Реальные* преступления, *реальные* ситуации и *реальные* люди. Если кто-нибудь из находящихся в зале верит, что Земля плоская, а человек никогда не высаживался на Луну, я прошу его покинуть этот зал.

– А вот Маттео верит в маленьких зеленых человечков! – послышался чей-то голос.

Зал снова засмеялся. Саломон принял шутку и снисходительно улыбнулся.

– Ну и что? Я тоже в них верю: за час я встретил не одного зеленого студента на улицах этого города.

На этот раз зал взорвался хохотом. Лектор подождал, пока аудитория успокоится.

– Я попрошу вас проявлять строгость, а прежде всего – терпение и смирение. Строгий подход всегда приводит к сложному результату, богатому оттенками и подробностями, хотя зачастую сомнительному с интеллектуальной точки зрения. Если вы защищены латами уверенности и жаждете простых ответов, то вы пришли не по адресу. Здесь свою уверенность лучше оставить в гардеробе. Благодарю вас!

Раздались аплодисменты, и студенты встали.

Саломон сложил все свои записи в портфель, надел пальто и завязал шарф, ответил на несколько вопросов и вышел в серую ледяную мглу середины ноября.

Он заказал кофе в «Пикаро», как раз напротив университета, тем более что в факультетском кафетерии варили такой кофе, который смело можно было отнести к разряду преступлений.

На соседнем столике лежала газета. Саломон взял ее и рассеянно пролистал до страницы, где освещалась всякая всячина. Его внимание сразу привлек крупный заголовок:

Убийца, распявший свою жертву

Его звали Серхио Кастильо Морейра. Он был сержантом Центрального оперативного подразделения, о котором говорили: «Если ЦОП взял след – дело решено». Однако на этот раз сержант оказался не в роли следователя, а в роли жертвы.

В понедельник, 11 ноября, его тело было найдено распятым на холме в нескольких километрах от Мадрида, неподалеку от Эскуриала.

Агент ЦОП был обнажен, и, что самое удивительное, кто-то приклеил его тело к кресту сверхпрочным клеем. Эту информацию предоставил нам один из сотрудников Гражданской гвардии, который предпочел не называть своего имени.

Кто же мог совершить такое жестокое, чудовищное, поистине дьявольское преступление? По нашим сведениям, подозреваемый был схвачен на месте. Речь идет о человеке, попавшем в тяжелую психологическую ситуацию, но Гражданская гвардия пока ничего не сообщает по этому поводу. Сегодня состоится пресс-конференция, где будут присутствовать капитан Пенья, руководитель отдела убийств, незаконного лишения свободы и вымогательств ЦОП, и полковник Пилар Молина Маркос, руководительница подразделения. Мы постараемся держать наших читателей в курсе развития событий...

Саломон закрыл газету. Голова его слегка закружилась. Он увидел в оконном стекле свое отражение: бледное прозрачное лицо, все в каплях дождя, молящего по окну. Профессор не верил ни в шанс, ни в случай.

Он видел их, ту супружескую пару, приклеенную друг к другу между двух туннелей тридцать лет назад... И пару в Сеговии, убитую и тоже склеенную, на холме возле Алька-

сара... И пару англичан на Коста-дель-Соль, зарезанных в своей постели и тоже склеенных друг с другом...

Саломон глубоко вздохнул и достал телефон. После трех гудков из трубки раздался хриплый, тусклый голос заядлого курильщика:

– Саломон? Что случилось?

– Это по поводу той истории, когда вашего агента... м-м-м... приклеили к кресту.

– Ну и?..

– Я знаю, кто убил сержанта Морейру.

Полдень вторника

– Короче, ты хочешь сказать мне, что, благодаря программе, которую ты ведешь вместе со своими студентами и которую финансируют Гражданская гвардия и полиция, ты узнал очень важную вещь? Тот, кто приклеил нашего человека к тому поганому кресту, тот, кто тридцать лет назад убил на севере страны супружескую пару, а потом еще две, одну в Сеговии, а другую на Коста-дель-Соль, – одно и то же лицо? Я правильно понял, Саломон?

Подполковник Эрро занимал высокий пост в генеральной дирекции Гражданской гвардии. Саломон познакомился с ним, когда десять лет назад вел семинар по криминологии в офицерской академии, которой в то время руководил Эрро, и они подружились. Они не теряли друг друга из виду, как люди, понимающие, что в любой момент могут друг другу понадобиться.

– Я понимаю, что говорить так – чистое безумие, но я в этом глубоко убежден.

– В таком случае это меняет дело, – ответил подполковник Эрро с легкой иронией в голосе.

– Я понимаю твой скепсис.

– Конечно, не в той степени, как если б ты сказал мне,

что занимался столоверчением¹⁸, – заметил Эрро. – В любом случае это не входит в мою компетенцию, я всего лишь чиновник генеральной дирекции, Саломон.

– Чиновник в чине подполковника... Ты же можешь сказать мне, кто ведет расследование?

– О, в таком случае я желаю тебе запастись мужеством.

Саломон терпеливо ждал, что скажет его приятель дальше.

– Если б меня попросили высказать свое мнение, я сказал бы, что для этой миссии было трудно выбрать человека менее компетентного. Во-первых, она слишком заинтересованное лицо, а во-вторых, по причине э-э... ее неуправляемого характера. Это лейтенант Лусия Герреро из ЦОП, напарница жертвы. Я полагаю, ты о ней слышал. Странно, что это дело не отдали кому-нибудь другому.

– Это та, что поймала Убийцу-с-молотком?

«Дело Убийцы-с-молотком» в прошлом году несколько недель не сходило со страниц газет.

– Она самая.

– Если мне не изменяет память, она тогда чуть не погибла.

– Она была на волосок от смерти: слишком близко подошла к огню и чуть не спалила себе крылышки.

– Но преступника все-таки поймала, – заметил Саломон.

---

¹⁸ Столоверчение, т. е. движения, которые якобы совершали предметы, находившиеся на столе во время спиритических сеансов, было одним из главных инструментов вызывания духов и прочих спиритических практик.

– Да... И тем не менее у Герреро потрясающий послужной список, и ее место явно не в ЦОП. Скажем так, у нее всегда были проблемы с чувством локтя в команде и ей нравилось нарушать правила. Назвать ее строптивой было бы слишком сильно, занудной – слишком слабо. Со дня на день она свалится на нас как снег на голову.

– Можешь оказать мне одну услугу, Виктор?

– Слушаю тебя.

– Передай лейтенанту Герреро, что я очень хочу с ней переговорить. У меня есть информация, которая может ее заинтересовать. Сделаешь это для меня?

Саломон уже не раз сотрудничал и с полицией, и с Гражданской гвардией. В основном такое сотрудничество было сугубо индивидуальным.

– Хорошо, я отправлю ей сообщение.

– Спасибо, Виктор.

Он отсоединился и почувствовал, как им овладевает неодолимое и опасное очарование. Франсиско Мануэль Мелендес, он же «Убийца-с-молотком», он же «Дорожный мясник», он же «F2M», он же «Фрида-Волчица» – забавный псевдоним, которым Мелендес подписывал свои хроники для прессы. Скорее всего, он нашел это словечко в каких-нибудь фильмах 70-х годов, где фигурировали нацисты, таких как «Илза, волчица СС» или в киноподелках Хесуса Франко. Мелендес по ночам нападал на женщин в туалетах ресторанов и заправочных станций. Он надевал на голову женщине

полиэтиленовый мешок, чтобы та задохнулась, а потом, когда она переставала дышать и двигаться, разбивал ей голову молотком. Он не насиловал свои жертвы, даже не прикасался к ним. Специалисты установили его приблизительный психологический портрет: человек от тридцати пяти до пятидесяти, холост или разведен, у него мало друзей, он малообразован или вовсе не образован, несомненно, занят ручным трудом, о чем говорит выбранное им орудие убийства. Его подозревали еще и в охоте на одиноких женщин в автомобилях. Он ехал за их машинами, пока они не останавливались. Полиция предупредила всех директоров заправок и придорожных магазинов, а те предупредили свой персонал, и начался настоящий психоз. Все принялись наблюдать друг за другом и докладывать полиции о подозрительных клиентах, а женский контингент персонала не осмеливался по вечерам выходить в туалет в одиночку. И все равно этот кошмар продолжался: Убийца-с-молотком нападавал еще дважды. Пресса пришла в невероятное возбуждение ведь «акулы пера» способны из любой мелочи раздуть грандиозное событие...

Все силы полиции и Министерства внутренних дел сбились с ног, следственные органы прессовали каждый день: группу капитана Пеньи грозились расформировать, если они не продвинутся в расследовании.

Вот тогда на сцену и вышла лейтенант Герреро. Саломон помнил все, что появлялось в прессе к тому моменту, когда Франсиско Мануэль Мелендес был пойман. Без ведома кол-

лег, ничего не сообщая начальству, Лусия Герреро начала бороздить все дороги в окрестностях Мадрида в радиусе до двухсот километров, то есть территорию убийцы. Днем она вела расследование вместе со своей группой, а по ночам садилась в автомобиль и нарезала километры по асфальтовым лентам. Спала только несколько часов перед самым рассветом, потому что Убийца-с-молотком выходил на охоту с десяти вечера до двух ночи (из чего следователи сделали вывод, что днем он работал). Какие типы попадались ей, пока она колесила по дорогам, не знал никто: Лусия Герреро отказывалась разговаривать об этом с прессой, несмотря на все подзуживания журналистов. На этот счет у них было множество предположений и одна уверенность: в какой-то момент лейтенант ЦОП в конце концов перешла дорогу убийце. И встреча чуть не стала для нее роковой.

Случилось это на севере страны, неподалеку от Сориа. Придорожная площадка была снабжена двенадцатью бензоколонками и довольно крупным магазином. Когда Лусия остановилась, чтобы забежать в туалет после трехчасового сидения за рулем, было уже без трех минут час ночи. Она ехала спокойно и позволяла обгонять себя десяткам машин. При этом потолочный светильник у нее постоянно горел. Видимо, она очень устала и была на пределе сил, рассуждал Саломон, и голова у нее работала с трудом. Наверное, думала о том, что ей еще предстоит вернуться в Мадрид, потратив на это еще два часа, а ведь она не спала всю ночь... Назавтра ей

предстояло продолжить трудное расследование. Сколько же времени ей понадобилось, чтобы повернуть хитрый маневр и зайти при этом слишком далеко? – спрашивал он себя. Камера зафиксировала, как Лусия тяжелым, усталым шагом прошла к туалету в глубине помещения. Касса и продавец оставались справа, несколько столиков – слева; потом проход вел к игровым аппаратам, торговым автоматам и прочей аппаратуре и к дамскому туалету. На фотографии это место выглядело очень похоже.

Все ее обращения к начальству пресса просто опустила. Выйдя из кабинки туалета, Лусия увидела женщину, которая мыла руки. Блондинка в красном платье стояла к ней спиной, наклонившись над раковиной. Лица ее она в зеркале не разглядела: его загоразживала прядь волос. Лусия поздоровалась с ней, но женщина не ответила. И в тот момент, когда лейтенант тоже наклонилась, чтобы освежить лицо – ей необходимо было немного встряхнуться, – Франсиско Мануэль Мелендес набросился на нее, надел ей на голову полиэтиленовый мешок и попытался задушить. Лусия отбивалась, но Мелендес был силен: он работал кровельщиком, да еще трижды в неделю качал мускулы. Однако ему не повезло, сказал себе Саломон: убийца не знал, что женщина, на которую он напал, сотрудница Гражданской гвардии и тренирована гораздо лучше его.

Что произошло дальше, так и не удалось выяснить. Как бы то ни было, Лусия вышла из туалета с окровавленными рука-

ми, в изорванной одежде, с молотком в руке и попросила перепуганного продавца позвонить и запросить помощь, а сама связалась со своими. Когда Гражданская гвардия прибыла на место, блондинистый парик плавал в унитазе, как дохлая медуза, Мелендес сидел на полу, пристегнутый наручниками к канализации, а его физиономия представляла собой бесформенную кровавую кашу. У него были выбиты два резца, а напоследок он получил удар молотком в висок, который сразил его наповал. Лусия Герреро заявила, что смутно помнит все, что произошло, но хорошо помнит, как притворилась, что потеряла сознание и упала на пол, прежде чем применить особый «захват ножницами правой подколенной мышцы» с сильным броском через колено, в результате чего Мелендес улетел в кабинку. А дальше... А вот дальше она совсем ничего не помнит.

Франсиско Мануэль Мелендес провел две недели в госпитале, где сотрудники ЦОП допрашивали его, прежде чем он предстал перед судом.

Герреро сразу получила нагоняй от начальства, благодарность и поздравления от министра и на следующий день стала легендой Гражданской гвардии.

Несколько сотрудников, не входивших в ее группу, но сделавших вид, что хорошо ее знают, поведали журналистам – разумеется, на условиях полной анонимности, – несколько пикантных подробностей, проливающих свет на ее личность, талант, а главное, на ее недостатки. Из чего следовало, что

она очень вспыльчива, чертовски упряма, неистова в работе и совершенно не умеет сглаживать углы – в общем, зануда, да еще и дурная башка. Но, строго говоря, эти пустобрехи, сами того не понимая, обрисовали личность независимую, сложную и необычайно компетентную.

А потом пресса перешла к другим новостям и событиям, и все позабыли о лейтенанте Герреро. Саломон был убежден, что это ее развеселило. Ибо те редкие фотографии, что появлялись тогда в газетах, создали у него впечатление, что перед ним – личность, готовая смести любое препятствие на пути к цели.

Саломон спросил себя, сколько же весит такой груз. Как спит Лусия Герреро и не снятся ли ей кошмары? Он готов был побиться об заклад, что снятся. И что она раз за разом переживает эту схватку не на жизнь, а на смерть, в туалете на заправке. Страдает ли она от головной боли, от язвы, от болей в груди или от тревоги и депрессии? Влезла ли она в шкуру убийцы, чтобы затравить его, или удовольствовалась ролью козы-приманки? Не считая того, что, в противоположность французской сказке, на этот раз козочка слопала волка. Если только волк, дожидаясь своего часа в пени-тенциарном центре Ла Моралеха, куда его посадили как особо опасного преступника, не разрабатывал с адвокатом, признанным мастером своего дела, стратегию процесса в первой инстанции для слушания в Мадриде. Как только на сцене появился этот адвокат, он принялся кричать на все лады всем,

кто хотел его слушать, что *это лейтенант Герреро напала на его клиента, а вовсе не он на нее.*

Саломон схватил телефон, открыл «Вотсапп», соединился с группой, которую создали его студенты и которая тоже называлась ДИМАС, и написал:

Сегодня вечером после занятий собираемся в лаборатории.

Он представил себе, как по цепочке связываются друг с другом его студенты, всегда готовые либо оторваться, прикалываясь друг над другом, как первоклашки, либо с головой нырнуть в занятия, установленные для них академической комиссией по программе доктората.

Асса, Харуки, Корделия, Алехандро, Улисс, Вероника...

Он покинул чат.

Вторник, после полудня

Было уже шесть вечера, когда они собрались в лаборатории криминологии в подвале юридического факультета, на этот раз не в палатке, а рядом с ней: там, где стоял длинный светящийся стол, который в данную минуту служил единственным источником света в комнате.

Саломон не знал, где они откопали этот стол, похожий на те, что использовались в некоторых педагогических методиках, ставивших во главу угла сенсорное и кинестетическое развитие ребенка. Но он не верил ни в один из фильмов, где «умное освещение» по желанию создавало подавляющую атмосферу. В таких фильмах молодежь кончала с собой разными способами, столь же изобретательными, сколь и гротескными. Саломон слышал, как, упоминая этих ребят, его студенты пользовались словом «хулиганы». Несомненно, они специально выбрали именно этот стол.

Саломон встал в торец стола, а остальные расположились вокруг. Он заметил, что атмосфера вокруг стола царила менее расслабленная, чем в предыдущие встречи.

– Как мы видели в прошлый раз, ДИМАС двинулся вперед семимильными шагами.

Он подождал, чтобы эта фраза хорошенько отпечаталась в их впечатлительных юных мозгах.

– Все ли хорошо запомнили те три дела, связь между которыми обнаружил ДИМАС? Или надо еще раз напомнить о них?

Как всегда, первой ответила Асса:

– Не стоит, профессор. Мы думали над этим всю ночь. Сидели в интернете. И поэтому мало спали.

Вокруг светящегося стола прозвучали едкие смешки.

– Меньшего я от вас и не ждал, – сказал Саломон с улыбкой.

Он оглядел их всех. Свою группу. Своих любимчиков. Сокращенную группу избранных. А отбирал он их очень тщательно. Давно известно, что спортсмены показывают свои лучшие результаты в условиях соревнования с другими спортсменами. Однако если попросить многих из них протащить груз с помощью каната, то усилие каждого окажется тем меньшим, чем большим будет их количество. В первом случае мы можем говорить о «социальной поддержке», а во втором – о «социальной вялости». Это два основополагающих опыта экспериментальной социальной психологии. В целом много людей стóят больше, чем один, но излишнее количество людей сводит на нет качество работы с каждым элементом. Впрочем, большинство университетских профессоров работают с группами, сокращенными до шести студентов.

Эта шестерка являла собой лучший образец из всех, с кем ему доводилось работать в течение многих лет. Двое были

испанцы, четверо остальных приехали из разных стран по программе европейского студенческого обмена или по программе международных связей Университета Саламанки с двадцатью пятью японскими университетами.

Харуки Танидзаки, двадцать пять лет, маленький, кругленький, лицо как луна, пряди черных волос падают на лоб, очки с притемненными стеклами... Приехал из Осаки.

Корделия Бликсен, двадцать семь лет, высокая, с мускулистыми плечами пловчихи, светлые волосы и глаза, серые, как вода фьордов зимой... Приехала из Копенгагена. Изучала философию и готовилась стать специалистом в таинственной дисциплине, именуемой судебной лингвистикой.

Асса Дьоп, двадцать четыре года, француженка. Маленькая, лицо овальное, кожа чуть темновата, большие и очень выразительные глаза. Волосы коротко острижены. Приехала из Сорбонны. Несомненно, лучшая из его учениц. Асса любила выявлять противоречия, выдвигать доводы против, как на потоке, так и внутри группы. Саломон обожал, когда студенты были не согласны с ним или друг с другом: из этого всегда что-нибудь выходило.

Улисса Джойса и Алехандро Лорку он рекрутировал на соседнем научном факультете, где оба прославились тем, что сконструировали робота на четырех лапах, который на спине разносил напитки для студентов, и еще взломали компьютер одного из профессоров, чтобы улучшить свои показатели в одной из дисциплин, где они ничем особенно не отличались.

Их даже пытались исключить, но для такой меры они были слишком блестящими студентами, да к тому же еще и обнаружили, что тот самый профессор был большим любителем порнографии особого свойства. Ведь явно не из-за одной мягкости характера он просил начальство об индульгенции для этих ребят. Эта история стала быстро распространяться – за исключением порнографического аспекта – и дошла до ушей Саломона.

Улисс приехал из одного из английских городов, такого дождливого, что у него и название было соответствующее: Бат¹⁹. Мало того что парень выглядел лет на шестнадцать, а никак не на свои двадцать шесть, он еще был болезненно застенчив везде, кроме своей группы, и страдал агорафобией, боязнью открытого пространства. Поставить в лаборатории палатку было его идеей. Что же до черноволосого красавца Алехандро, то он приехал из Линареса и был по уши влюблен в Ассу Дьоп.

И, наконец, Вероника Гайте, двадцати восьми лет, из Саламанки. Вероятно, вторая лучшая ученица после Ассы. Каштановые волосы, светло-голубые глаза. Сдержанная, уравновешенная и заметно более зрелая. Единственная эксцентрическая нотка в ее облике – татуировка на правом предплечье, изображающая танцоров из ее любимого фильма «Криминальное чтиво».

– Итак, – снова заговорил Саломон, – ДИМАС устано-

---

¹⁹ Bath (англ.) – баня, купальня, купание.

вил связь между несколькими эпизодами преступления, разнесенными во времени почти на тридцать лет. Напоминаю суть: двойное убийство в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году в Верхнем Арагоне, в провинции Уэска. Еще одно – в Сеговии в две тысячи пятнадцатом, и третье – в Бенальмадене в прошлом году. И вот какие общие точки всех этих убийств указал ДИМАС: молодые пары были найдены голыми, везде фигурируют куски материи красного и зеленого цвета, есть общее в положении тел, а самое главное – это клей...

– А где доказательство, что все это не та самая блоха, которую внедрили нам в ухо? – с сомнением произнесла Асса, разглядывая Улисса и Алехандро. – Исчезновение ребенка плюс двойное убийство с применением огнестрельного оружия в первом случае и две пары, убитые на двадцать пять и двадцать девять лет позже с применением холодного оружия, да еще на расстоянии шестисот километров друг от друга... А что, если ДИМАС ошибся?

– Это интересная гипотеза, – словно вскользь, заметил Саломон и улыбнулся. – Асса права: мы имеем два очень похожих преступления, совершенных близко по времени, но сильно разнесенных по расстоянию, и еще одно более давнее, связь с которым прослеживается более устойчиво. Что же нам позволяет думать, что во всех трех случаях преступления совершил один и тот же человек? – спросил он, обращаясь к обоим парням.

– Подпись, – отозвался Алехандро, словно ожидал этот вопрос.

– Вот именно, *подпись*. – Саломон выдержал паузу.

– Способы совершения преступления отличны друг от друга, как это часто бывает, и зависят от условий конкретного момента: в первом случае это огнестрел, в остальных двух – ножевые удары. Но подпись не меняется: тела расположены определенным образом и накрыты красной и зеленой тканью. Как вам известно, подпись бесполезна с точки зрения материальной. Зато она часто несет другую нагрузку: символическую или психосексуальную, причем очень сильную. Она как бы переводит на наш язык фантазии убийцы. В нашем случае подпись наводит нас на мысль, что все убийства совершил один и тот же человек. Кроме того, здесь дело не только в подписи, но еще и в позах жертв: тела расположены очень точно и продуманно. За всю свою долгую службу я повидал тысячи картин преступлений, и среди них не насчитаю и десяти, настолько поражающих изобретательностью автора. ДИМАС не ошибся: *вероятность, что перед нами дело рук одного и того же человека, очень высока.*

– В таком случае как вы объясните, что он ни на кого не нападал в течение тридцати лет, а потом вдруг снова взялся за свое? – подала голос Асса, явно не убежденная в верности гипотезы.

– Кончай нас троллить, Асса, – занервничал Улисс.

– Алехандро и Улисс выдвинули две весьма правдоподоб-

ные гипотезы, – заметил Саломон. – Либо он сидел в тюрьме, либо был за границей, где тоже продолжал убивать. Но есть еще и третья: ДИМАС не застрахован от ошибок и мог не выявить другие преступления. Как бы там ни было, сейчас мы не можем с точностью знать, скольких он убил.

Саломон поднял глаза и заметил, что его слова явно произвели впечатление на слушателей: их интерес к этому делу заметно возрос. В облаке света, идущего от стола, у всех расширились зрачки. Он угадал, что они находятся под серьезным воздействием, почти под гипнозом. И на этот раз воздействие было не теоретическим, а *реальным*.

– Итак, если принять, что все это – дело рук одного человека, – продолжил профессор, – то с чего мы должны начать?

– С первой сцены убийства, – предложила Асса.

– Почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.